

а н д р е и
а к ц ы н о в

БРЕТЁР

| РОМАН |

Андрей Акцынов

Бретёр

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

Акцынов А.

Бретёр / А. Акцынов — «Центрполиграф», 2016

ISBN 978-5-227-05797-6

Андрей Акцынов воссоздал специфический срез современного общества, где сплелись подвизающиеся на ниве политики одиозные личности и экстрасенсы, дамы полусвета и представители молодежных субкультур и движений. В некотором роде это отчет о духовном состоянии того слоя, который противостоит обывательской массе.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-227-05797-6

© Акцынов А., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Манифест поколения	6
Пролог	7
Хулиганы	8
Мерлин	33
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Акцынов

Бретёр

© Акцынов А. В., 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Манифест поколения

Андрей Акцынов написал книгу.

Среди ее персонажей есть и я, потому мне не особо удобно расхваливать эту книгу.

Но вот несколько соображений.

Я не знаю, что он хотел написать, но он описал важнейший для молодого человека любой эпохи процесс поиска своих, своей «банды».

Одновременно получился манифест поколения.

Раньше писали такие книги, называли их «Исповедь сына века» (Мюссе), или «Герой нашего времени» (Лермонтов), или там «Как закалялась сталь» (Островский Николай).

Потом некоторое время не писали таких книг, теперь пишут опять.

В жизни героя книги (сейчас говорят «протагонист», стесняясь называть героем) нацболы и запрещенная партия служат «красной нитью», а в музыке говорят «лейтмотивом».

Нырняя в боковые ходы и ответвления жизни, герой возвращается к ПАРТИИ, хотя бы для того, чтобы посмотреть, что с ней.

Герой отвлекается то на ритуалы религии «бон», то на девушек-вамп, но как стрелка компаса стремится к точке N, так и он стремится неуклонно к партии.

ПАРТИЯ его притягивает, он о ней любопытствует.

Увлекательное повествование приключений молодого человека нашего времени, жизни нашего современника, русского мальчика, и тех джунглей, через которые он с любопытством и часто с удовольствием продирается.

О нацболах уже написан «Санька».

Теперь о них написан «Бретёр».

Эдуард Лимонов

Пролог

Однажды он твердо решил стать плохим. Хорошие мальчики получают только кости и объедки со стола, а плохие – власть, славу и удовольствия. Из первых выходит генетический мусор, из последних – великие герои и преступники, всегда готовые ввязаться в драку и рискнуть.

Город, который он прямо сейчас наблюдал из окна автомобиля, был плотно нашпигован ментами, солдатами и бронетехникой. Со всех улиц и переулков текли ручейки людей, чтобы влиться в яростный и мощный народный поток. Крепко пахло народным восстанием и гражданской войной. Казалось, что вот-вот прольется первая кровь. Такая атмосфера возбуждала и кружила голову.

Все шли на площадь. Накануне об этом заявили десятки тысяч рассерженных граждан после того, как государство плюнуло им в лицо очередной ложью. Выборы в парламент были грязно сфабрикованы, вся оппозиция задавлена, впереди ждал такой же обман на выборах президента. И вот простые люди, спавшие еще совсем недавно, пробудились, взбунтовались и, повинаясь человеческому гневу, повалили толпой на запрещенный митинг в центр города, рискуя быть избитыми и отправленными за решетку в тот же день. Каждый рассчитывал если не покончить с режимом, то изменить его до неузнаваемости, вдохнуть воздуха и жизни.

У него в голове был примерный план: после митинга всей толпой двинуться к одному из правительственных зданий и стоять там. А дальше... Возможно, дальше случится то, о чем он мечтал с ранней юности, когда стал жадно читать книги про революции, восстания и бунты. Он больше всего на свете хотел попасть в историю, вышибив ногой дверь парадного входа.

Пришло время рассмотреть нашего героя поближе, в увеличительное стекло. В машине в компании трех крепких ребят сидел молодой коротко стриженный парень, короткий чуб приглажен и зачесан назад. Левый край губ слегка загнут вверх, в улыбке просматривается пара больше обычного размера клыков. Нос сломан, потому чуть скособолен в одну сторону. На парне черная кожаная куртка, черные джинсы и белый шарф.

Герой называл себя Бретёром, как-то он услышал это старомодное слово. Оно означало: задира, скандалист и профессиональный дуэлянт. Слово ему понравилось, и с тех пор он стал так себя называть. Не то чтобы это было до конца правдой, просто таковым он себя однажды возомнил. Таковым он хотел себя видеть.

Сегодня, парень, тебя вполне может ждать верная тюрьма, потому что происходящее вот-вот может перерасти в массовые беспорядки, – мелькнуло вдруг у него в голове.

Стать плохим... речь шла о полном перевоплощении, о том, чтобы совершить что-нибудь дерзкое, возможно, даже ужасное, поиграть на стороне зла и посмотреть, что из этого получится. Во зле есть нечто эротическое и красивое.

Жизнь устроена так: каждый день ты движешься в сторону своего страха в поисках запретных плодов. Тебя сильнее всего тянет к тому, чего вначале ты больше всего боишься. Страх очаровывает и предвещает самые сильные страсти в будущем.

Итак, все началось с того, что герой решил стать плохим.

Хулиганы

1

Хулиганы живут в грязных заводских районах – тех, что подальше от метро. Такие места пропитаны копотью и воняют нечистотами. Из труб валит зловонный черный дым и, поднимаясь вверх, растворяется в тяжелом небе. Чтоб существовать в этом полумраке, требуется погрузить себя в наркотический бред, нажираться как свинья или иметь нервную систему как у червей: если разрубить их топором надвое, то обе части будут прекрасно себя чувствовать и поползут в разные стороны.

Он смотрел в окно троллейбуса и видел, как дряхлые промышленные постройки складывались в жутковатый индустриальный пейзаж. Рядом с ним стоял Вася, они ехали к нему домой. Он знал его с дачи, это был самый плохой из его приятелей, взрослые отговаривали с ним дружить. На даче он развлекался тем, что стрелял птиц и препарировал лягушек. И с каким мастерством он это делал! Этим земноводным отводилось столько чести, что ради них возводились целые концлагеря и создавались уникальные орудия массового убийства и геноцида.

– Тут недолго. – Вася виртуозно откупорил пивную бутылку зажигалкой, потом взял его бутылку и сделал то же самое.

Вася зарабатывал деньги тем, что сносил кирпичные стены огромной кувалдой, такая профессия позволяла эффективно укреплять мускулатуру. Несмотря на курение, алкоголь и практически ежедневный прием легких наркотиков, он был крепок и опасен, как мускулистый питбуль. Его глаза не внушали ничего, кроме судорожного беспокойства. Это был взгляд бойцовой собаки, которая перекусывает твоё сухожилие и приветливо смотрит на тебя.

Они глотнули пива.

– Ты прикидываешь, вчера Моцарт ехал в троллейбусе с работы... Так вот. Он увидел девушку с негром. Девушка такая красивая блондинка...

– И что?

– Моцарт допил пиво, разбил бутылку об голову девушки, она жопой сползла по ступенькам, а негра ударил розочкой...

Первые несколько секунд он замялся, было не ясно, как на это реагировать. Васе явно доставляло это удовольствие.

– А за что он его?

– Так просто.

– И что с парнем?

– А он не знает. – Вася тут не к месту захохотал. – Он вышел на следующей остановке.

Они приехали в самый конец Кондратьевского проспекта. Тут и там изношенные новостройки, пара ларьков, линия электропередач, уходящая вдаль, в непривычные для города зеленые поля. Они скрылись в глубине дворов, чтобы потом оказаться в большой коммунальной квартире на первом этаже. В маленькой комнате возвышалась детская гимнастическая стенка, валялись походные принадлежности и старые книги. На кровати сидел какой-то пацан в тельняшке, на вид лет шестнадцать, похож на опытного зэка. На руке оторван один палец – неудачный опыт изготовления взрывчатки.

Серый был близким другом, и Васина мать позволяла ему входить в комнату и дожидаться, пока придет сын. Серый недавно начал приторговывать наркотой и уже зарабатывал вдвое больше своего отца, который трудился шофером на овощебазе.

Серый принес траву. Пришло время нарушать первые запреты.

2

Чья-то костлявая рука вынырнула из тьмы и активно шарилась по их карманам. В едва освещенном коридоре Бретёр сумел разглядеть суровую серьезную старушку, она шмонала его на предмет принесенного алкоголя, которого у него, конечно, не было. Бабушка Моцарта проявляла энтузиазм и активно интересовалась друзьями внука. Они только что переместились в квартиру к лучшему Васиному другу.

– Ты скин? – спросила бабушка, увидев нового человека на пороге.

Моцарт ежедневно промывал ей мозги. Она знала, что все нормальные парни – скины.

Они с Васей, уже изрядно обдолбанные, напряженно стояли у двери, стараясь, не дай Бог, не расхохотаться или не выкинуть еще что-нибудь неадекватное. Серый к тому времени уже куда-то рассосался. У юных барыг всегда много дел.

Все это время Моцарт, как селезень, чистил свои перья. Происхождение его погоняла восходило корнями в детство и было довольно туманным. Ясно только, что к Венской опере оно не имело никакого отношения. Спустя час он появляется в лохотной и сияющей с преобладанием белого одежде, которая поразительно контрастирует с нищетой и убожеством квартиры, с грудой хлама и болтающейся на проводе лампочкой. Моцарт больше всего котирует тряпье от Fred Perry и Ralph Lauren.

Потом они все трое отчалили на улицу и перемещались на общественном транспорте в неведомом направлении. Через несколько часов он обнаружил, что находится на площади Искусств и пьет пиво в компании музыкантов, панков и еще какой-то шпаны. Вскоре пиво закончилось, и они направились в продуктовый магазин «Находка» напротив цирка, чтобы купить еще.

Вася и Моцарт промышляли воровством, а один их приятель был самым настоящим бандитом – его брали на дело взрослые мужики и он имел пистолет. Товарищи Бретёра оружия, насколько ему было известно, не имели и грабили в основном алкогольные и книжные магазины. Разумеется, они также воровали одежду качественных марок. Иногда они занимались гоп-стопом, но это было чем-то из ряда вон выходящим.

Они прошли внутрь, и перед ними предстали внушительные прилавки, наводненные различным спиртным, включая самые дорогие и утонченно изысканные напитки. Словно под гипнозом, они уставились на роскошные красивые бутылки.

Решение все это украсть родилось у них спонтанно, всех троих попутал черт или кто-то из тех духов-искусителей, кто подстрекает к безрассудству, бравате и прочей необдуманной херне. Вася и Моцарт, бросив взгляд в обе стороны, взяли по две бутылки и спокойно положили их под куртки, уверенно, как матерые рецидивисты. Бретёр запихал свою бутылку в штаны и с дрожащими коленками вместе со всеми проследовал к выходу. То, что все были в говно укуренные и пьяные, лично его никак не избавило от страха.

После того как они миновали кассу, не купив даже какой-нибудь мелочи – наивная самоуверенность, – путь им преградил тучный, как накачанная стероидами горилла, охранник.

– Молодые люди, остановитесь! Можно вас? – Охранник уже держал наготове свои клешни, все было ясно как день.

Из подсобок в полной готовности уже подоспел сводный отряд охраны и грузчиков, чтобы задержать грабителей. Завязалась жуткая потасовка. Моцарт не придумал ничего лучше, как со всей дури ударить обезьяну-охранника по яйцам и с боем пробиваться к выходу. И вот они уже неслись прочь по Караванной улице. Но их было только двое.

Когда они вернулись за Васей – дичайшая глупость, надо было убегать, – то обнаружили его лежащим на полу мордой в пол с заломленными руками. Его держали четверо грубых молодчиков, один с патологическим лицом имбецила давил под лопатку коленом.

Он, в отличие от Моцарта, не стал забегать, а остался на входе в магазин.

Грузчики набросились на Моцарта тотчас же, но первой оказалась миловидная кассирша. Благоразумная, пожилая, она решила принять посильное участие и преградила ему путь, за что тут же получила ногой промеж глаз. БАМС! Через несколько секунд Моцарта скрутили и повалили на пол.

Издалека, спрятавшись за машинами, Бретёр наблюдал, как быстро подъехали менты и увезли его подельников. Сегодняшний день стал днем радикальных нововведений в его жизнь. За несколько часов он сделался начинающим наркоманом и вором. Еще он, видимо, на долгое время лишился своих друзей, если только они его не сдадут – ведь он был с ними.

Нарушать библейский запрет «не укради!» никак не входило в его планы. Он подумал, что один плохой поступок влечет за собой другие и потом они уже следуют друг за другом нескончаемой вереницей.

3

Если вы идете сейчас по Моховой улице в сторону Невского, то навстречу вам идет высокий худой юноша с выразительными и печальными глазами, с тонкой шеей и копной густых волос на голове, на нем длинный серый плащ. Он похож на молодого поэта-девственника, слегка сконфужен и не от мира сего, кажется, что он вот-вот готов заплакать.

Бретёр шел по улице, злобно ругался и пил уцелевшее пиво. Оно было таким же безвкусным, как его жизнь. Тогда он еще не был Бретёром и даже не называл себя так. Это была предыдущая, куда более неудачная версия данного героя.

Как практически любой парень его возраста, он был несчастно влюблен. Это мрачное садомазохистское чувство постепенно раскрывало глаза на мир, жизнь каждый день сбрасывала с себя покровы и обнажала всю свою ужасную естественность.

Эта девочка, тощая как черт знает что, когда она стояла в коридоре, то опиралась на стену или дверь и извивалась, как змея, поигрывая черными бровями и глазами, наполненными туманной похотью. Ее возлюбленный был бандитом, а с Бретёром она делилась своими неясными переживаниями по поводу него: то она его любит, то не любит, то хочет, но не любит, то хрен знает что. Обычный набор случайных женских позывов. Он сделал вывод, что бандит был грубым и тупым животным, лишенным даже отрицательных достоинств. Когда они последний раз с ней встречались, то он ощутил себя сточной канавой для ее эмоций, а под занавес вручил ей свои стихи, предварительно скомпонованные на листе А4. Она – о чудо! – взяла их и положила в сумочку вместе с сигаретами.

Его воспитывали как принца, и он чувствовал себя малопригодным к реальной жизни, она казалась сплошным страданием. В глубине души он, разумеется, понимал, что это совсем не так и это лишь тараканы в голове. Все было в принципе вполне сносно, даже хорошо, просто уготованная ему жизненная колея хорошего парня никак его не устраивала. Если одна часть его неокрепшей натуры любила страдать, находя в этом утонченное удовольствие, то другая часть готовилась взбунтоваться. Мысли сводились к тому, что нужно начинать бунтовать против всего, чего угодно. Только, как это сделать, он не имел ни малейшего представления. Было не ясно даже, с чего начинать.

Когда он шел по улице, то всегда смотрел по сторонам и замечал едва уловимые детали. На Моховой улице расположилось театральное училище и еще набор каких-то техникумов, там всегда толпились люди. Девушки с неряшливыми волосами, сигаретой во рту, богема –

это будущие актрисы. Рядом величественные красотки из ПТУ, которые на их фоне смотрелись гораздо более выигрышно, они выглядели более натурально и естественно.

Рюмочную, в которую они заходили с папой, когда он забирал его из школы, уже закрыли. Вот она была на этом месте, большой зал, компания крепких здоровенных мужиков в серых, как асфальт, тяжелых куртках, таинственные сумрачные морды прорисовывались сквозь пелену сигаретного дыма. Сейчас здесь работает какое-то дерьмо, рюмочной нет, но некоторые магазины все же остались в первозданном советском виде.

Странно представить, но он родился в СССР и успел прожить в этой далекой сказочной стране четыре года. Потом он помнил ГКЧП и помнил, как горел Белый дом. «Там же мои гобелены!» – кричала мама. Он родился в семье художников, его мама делала гобелены в Доме Советов. Гобелены его мамы выстояли против предательских пуль и ельцинских танков. Гобелены выстояли, а Советский Союз нет.

4

В школе Бретёр был для всех пустым местом. Несмелый и нерешительный изгой, он мог влекую сойти за пай-мальчика, но голова уже тогда ломилась от разных недобрых мыслей, которые никак не вязались с прилежанием и воспитанием. Он считал школу инкубатором по воспроизводству кастрированных свиней.

Маленьких злобных детей-зверьков хотели стерилизовать и сделать безопасными для государства. Во всяком случае, такова была задумка. Ему тогда нравились таинственные идеи древних гностиков, которые проповедовали, что общество – это творение дьявола, которому так гораздо удобнее высасывать соки из человечества.

Что было еще более отвратительно, так это то, что школа приучала к извращенному и противоестественному женскому господству, и это несмотря на то, что любая женщина изначально создана для преклонения перед мужчиной. В своем сердце она хочет быть рабыней, а тут должна командовать, а все, включая мальчиков, ей подчиняться.

Вот урок, ждать звонка еще сорок минут. Женщина, которая повелевает тобой это отведенное школьным уставом время, неряшливо одета, разжиревшая или очень худая, нависает над тобой, как скелет динозавра в зоологическом музее, ставит на твою парту массивный кулак.

– Где твоя домашняя работа и где твоя тетрадь? – категорично задает вопрос этот крокодил.

Тетради нет, вместо нее какой-то обглоданный листочек, изрисованный жуткими картинками – элементы гротескного порно и хоррора.

– Что это тут такое? – Ужаснувшись, она отбрасывает его в сторону.

Дрессировщица задает тебе вопрос, и, убедившись, что ты не знаешь, она ставит тебе «два». Наказать одного зверя, чтобы навести страху на остальных, – таковы методы.

Школьный конвейер за редким исключением производит людей двух сортов. Тупоголовые отличники – эти, как хорошо управляемые ослы, готовы выполнять любую работу, в них с детства заложен инстинкт подчинения. Вторая категория – будущие скользкие проходимцы и жулики, они наострились увиливать от работы и энергично водить за нос учителей.

Что касается образования, то весь этот мусор, понятное дело, не нужен, ось абсцисс и ось ординат – вся эта галиматья. Это все делается для того, чтобы детей чем-нибудь занять. Если бы дети во время уроков переставляли скамейки с места на место или лазили по деревьям – это принесло бы гораздо больше пользы.

Единственное оправдание школе – скопление молоденьких женских тел. Они, хоть и упакованные в однотипные костюмы, уже пышут свежей зрелостью – мама еще не научила их пользоваться всеми возможностями гигиены, делать свое туловище стерильным, как кусок мыла из хозяйственного магазина. Сидишь на задней парте, и все эти запахи сбиваются вместе, полу-

чается взрывная и сокрушительная вещь... Стоп! – подумал Бретёр. Вечно твои рассуждения скатываются в похоть со всеми вытекающими последствиями. Отставить!

Он вдруг вспомнил, как однажды задремал на уроке и представил такую картину. Он вообразил, что все вдруг встает с ног на голову и школа из воспитательного заведения превращается в чудовищный разнузданный балаган.

Когда звучит звонок, дети наваливаются на учителей, скручивают их и берут в заложники. Все парты переворачиваются, с грохотом падают полки с книгами. Школьницы, даже самые маленькие из них, кое-как наносят макияж, быстро срывают с себя одежду и устраивают на шкафах свои адские танцы. К этому времени кто-то из шустрых мальчиков уже успел поджечь пару автомобилей за окном, туда же летят учебники, карты и прочая школьная утварь.

Школа объявляется государством детей, а учителя становятся рабами. За малейшую провинность наступает телесное наказание или смертная казнь. Ученики делятся на несколько коммун и создают свои базы в разных концах здания, чтобы немного погодя начать беспощадную войну всех против всех...

На этом месте кто-то толкнул его в бок, и он очнулся.

5

Дома он открыл книгу «Дневник неудачника», он был классическим начинающим неудачником и начинал интересоваться глубиной этой темы. Погрузиться в книгу помешал телевизор. Перед ним мелькнули кадры задержания боевиков в лесной заснеженной глуши. Он было подумал, что это Чечня или Дагестан, но голос за кадром переубедил его.

«...задержан в глухой таежной деревне на Алтае. Именно оттуда по версии ФСБ писатель попытался организовать революционное вторжение в Казахстан...»

Первый кадр, показано крупным планом: мощный могучий лес, небольшой отряд войск спецназначения в полной амуниции крадется по заснеженной тропе по грудь в таежном снегу.

Кадр второй: среди снега и деревьев стоит бревенчатая изба, из нее по очереди выводят десяток ребят, руки за голову, кто в тренировочных штанах, кто в тельняшке.

Кадр третий: крепкий, жилистый, наполовину седой мужик с троцкистской бородкой, по виду командир отряда, большие замерзшие очки, спокойно смотрит вперед глазами человека-машины, терминатора.

«Следователи ФСБ объявили его одним из самых страшных террористов современности и выдвинули против него ряд тяжких обвинений: попытка свержения госстроя, государственный терроризм, попытка создания незаконного вооруженного бандформирования...»

Он взглянул на заднюю обложку книги и сделал потрясший его вывод, что автор – интеллигентный, профессорского вида тип с очками и тонкими запястьями – и человек-терминатор из новостей – одно и то же лицо.

Его звали Эдуард Лимонов.

Это не на шутку взбудоражило фантазию Бретёра, и он занялся выстраиванием логических цепочек. Получалось, что только неудачники с самого дна могут возвыситься так высоко, чтобы бросить вызов целому государству. Пасть на самое дно, чтобы воспарить.

Значит, становясь плохим и опускаясь вниз, он движется в верном направлении.

Закрыв глаза, в сером тумане он увидел своих товарищей, лежащих с заломленными руками на полу, разбитую голову кассирши, грузчиков и ментов. Услышал крики. Их взяли, а ты улизнул... ты мог попытаться их отбить... Все равно он почувствовал прилив сил и гордости: он сделал пусть самый крохотный, но шаг в сторону силы из состояния покорности и трусости. Отныне он решил, нарушая любые запреты, двигаться по направлению к собственному страху, и чем мощнее страх, тем сильнее должна быть скорость.

В долю секунды погода за окном изменилась в такт его безумным идеям: влажный жар позднего лета сменяла здоровая и мощная гроза. Это был своеобразный привет из метафизического мира, нелишне было добавить торжественных декораций и духа трагедии. Высшие силы так реагировали на его новое, неожиданное перерождение.

6

– Нас оставили под подпиской! – сказал Вася.

Они прогуливались недалеко от Гостиного Двора. Через несколько недель они встретились, и он узнал отличную новость: эта проделка почти сошла им с рук. Суд продолжался, однако красивая дама-следователь симпатизировала обвиняемым. Возможно, в глубине души она питала тайную страсть к молодым преступникам. Потерпевшие, несколько охранников и кассирша-героиня с сотрясением мозга, вели себя неорганизованно, путались в показаниях, не появлялись на очных ставках и ругались. Победа была практически в кармане. Про Бретёра никто даже не упоминал.

На улице справа от выхода из метро толпились книготорговцы, со стороны они напоминали городских сумасшедших и бомжей. Они торговали полузапрещенной литературой радикального толка, красно-коричневым коктейлем, излюбленные герои книг – Сталин и Гитлер.

Чуть дальше стояли пятеро парней с флагами и газетами, он сразу узнал нацболов. Они подошли, чтобы рассмотреть всю эту компанию поближе. Красные флаги, черный серп и молот в белом круге, такие же повязки. Газета «Лимонка», которую они держали, по своему внушительному формату больше походила на огромный плакат с гигантской гранатой и рубленным заголовком на обложке, текст можно было прочесть издали.

– Можно посмотреть? – спросил он и протянул руку к газете.

– Бери! – ответил один из парней.

Вася пролистывал газету, но с куда меньшим интересом, чем Бретёр. Ему же газета понравилась. Она была мощной и жесткой и, казалось, сочетала в себе все темы, которые его интересовали – от фашизма Муссолини и «Красных бригад» до стихов, секса и всего остального. Он купил газету и с довольным видом положил себе под куртку.

– Приходите, сегодня у нас будет собрание! – сказал крупный парень, похожий на казацкого атамана.

– А где? Во сколько?

– В девятнадцать часов у метро «Чернышевская»! – Второй, тонкий, с самым ответственным лицом, тут же по-деловому подключился к разговору.

– Хорошо. Мы будем.

Бретёр прекрасно понимал, что для того, чтобы стать крутым, недостаточно соучастия в пустяковом ограблении магазина. Хороши любые средства. Очень хорошо для этого подходила радикальная политическая организация.

Они спустились в подземный переход.

– Не нравятся мне они, какие-то кислые.

– Да ну, вроде нормальные.

– Это ты сейчас так думаешь. Совки они все одинаковые.

До собрания оставалось несколько часов, они купили на двоих один баллончик с краской и поехали расписывать железнодорожные пути Финляндского вокзала.

Вася придерживался радикально правых взглядов, Бретёр – право-левых. Они писали свои граффити отдельно, на большом расстоянии. Надписи были взаимоисключающими, и пассажиры поезда могли заподозрить шизофрению в голове автора.

Вася писал что-то из серии «СССР – чума XX века!», а Бретёр писал:

Революция!

7

Они стали искать нацболов в толчее людей. Разгневанные толпы народу с криками и воплями просачивались в двери метрополитена и выплевывались из них наружу. На крохотной площадке было массовое столпотворение. Они с Васей только что пришли пешком к метро «Чернышевская» от Литейного.

На выходе справа – неопределенная компания, состоящая из крепких рабочих ребят, нескольких старомодных панков и просто довольно странных людей. Молодые революционеры выглядели экзотично и эклектично.

– Приветствую! Я Барт. – К ним подошел тот самый парень, похожий на казака, и по-отечески пожал им руки.

Они подошли ближе и со всеми поздоровались. Ребята встретили их вполне дружелюбно, вот, дескать, подросли новые боевики, посмотрим, на что они способны...

Бретёр тогда слабо представлял, как функционирует полузапрещенная партийная ячейка. Чтобы усилить эффект новых, непривычных ощущений, он стрельнул покурить, – и вот уже грубый, едкий дым недорогой сигареты приятно пощипывал горло. Он всегда курил, либо когда очень плохо, либо когда окунался в пугающую и приятную неизвестность.

Дождавшись еще нескольких опоздавших, они организованной группой проследовали за несколькими лидерами.

– А где будет проходить собрание?

– Сейчас все увидите.

Вопреки его ожиданию, собрание проходило не в каком-нибудь маленьком заброшенном ДК – он представлял это почему-то именно так, темный зал с раздолбанными старыми стульями с красной спинкой, – но прямо на улице. Во дворе за углом, рядом с баскетбольной площадкой, – дорога от метро занимала не больше тридцати секунд. За спиной играли в баскетбол две команды дворового хулиганья.

Они сгруппировались у стены в этом дворике. Растворившись в небольшой толпе, он стал слушать, о чем говорят остальные. Почти никто не говорил о революции, все обсуждали нормальные темы, интересующие молодых людей, – драки, быт, попойки, футбол и все что угодно, кроме политики. Ему чрезвычайно нравилось разглядывать их довольно brutальные и подчас злобные морды, от этих грубых морд пахло могучей мощью улицы и революционным запалом.

К стене вышли пять человек.

– У нас сегодня много важных тем, – заговорил центральный. Небольшой, черноволосый, с нагловатой физиономией и харизмой диктатора какой-нибудь далекой азиатской страны.

Это будущий Пол Пот, подумал Бретёр про себя, но не сказал вслух.

– Мы готовимся к муниципальным выборам. От нас по спискам КПРФ будет несколько кандидатов, вы их знаете. – Далее он представил людей по очереди.

Бретёр продолжил активно рассматривать толпу. Было человек сорок. К его удивлению, он смог разглядеть нескольких людей весьма немолодого возраста; как выяснилось позже, среди них был депутат Заксобрания Ленобласти Владимир Леонов.

– Мы будем клеить листовки и разносить газеты...

Весь ход собрания описывать скучно. Естественно, что на повестке не стоял вопрос о немедленном захвате власти и вооруженном мятеже, обсуждались обычные текущие вопросы

существования в полуподполье. Так устроена жизнь: ради одного возможного триумфа люди готовы к десятилетиям скуки, монотонной борьбы, а то и того хуже – тягот и тюрьмы.

Вася чувствовал себя явно не в своей тарелке и стоял поодаль от всех. В этом не было ничего удивительного, он говорил, что политический этап для него пройден, и на тот момент занимался куда более радикальными вещами. Помимо регулярных грабежей, он активно боролся с нелегальной миграцией всеми доступными методами, водил дружбу с многочисленной уличной шпаной. Вместе они творили такое, что волосы у обывателя встанут дыбом. Ну, вы, короче, представляете. Если в детстве парень препарирует лягушек, что потом может прийти ему в голову? Страшно даже представить.

– Послезавтра у нас агитация. Кто пойдет?

Народ совершенно однозначно разделился на тех, кто активно хочет во всем участвовать, и тех, кто хочет увильнуть от явно неувлекательного занятия. Бретёр тоже поднял руку. Истина проста: не знаешь, что делать, – делай шаг вперед! По взгляду Васи было видно, что он его не одобрял.

Еще Бретёр знал самое главное. Лимонова недавно выпустили из тюрьмы, доказав только покупку оружия. А значит, история будет продолжаться и скоро начнутся новые приключения.

8

Путин, мы тебя не звали, уходи!

Как только Путина назначили премьером, нацболы вышли с этим лозунгом на улицы столицы. Еще тогда, когда большая часть общества питала по поводу него неясные надежды, только нацболы разгадали невыразительные и тусклые глаза полковника спецслужб.

После Ельцина спасителем мог стать кто угодно; пребывая у руля огромного государства, это ничтожество, алкоголик, натворило массу дел. Страна дышала на ладан и изнемогала от суицидального правления запойного алкаша вместе с его окружением предателей и проходимцев.

В результате закулисной игры группировка олигархов договорилась с группировкой чекистов и на авансцену мировой политики с черного хода поднялся Владимир Владимирович, неприметный сотрудник КГБ, серое лицо, из рабочей семьи.

Все предыдущие преемники были забракованы, они были слишком непредсказуемыми и слишком часто проявляли инициативу. А Путин – лиса, которая прикинулась дичью, – уселся на трон и сидит уже Бог знает сколько, намерив себе тысячелетний рейх.

Теракты и вторая чеченская сплотили людей России, объединили в общем страхе. Путин стал суперменом-мессией, хотя, по сути, был и оставался простым пацаном, правда энергичным и предприимчивым. Он напросился (или приставил КГБ) работать с мэром Собчаком и совсем скоро уже ни много ни мало ворочал всеми внешними связями в мэрии. Чего там Собчак только не делал в то время: распродал за границу заводы, легализовывал казино – одному Богу известно. Скоро Путин уже работал в администрации президента.

Бретёру он сразу не понравился, но он увидел и признал в нем силу, которой не было у других людей во власти. «У нас новый премьер-министр, странный какой-то, себе на уме!» – так о нем говорили в деревне. Был август месяц, телевизора на даче у них не было. Они тогда не думали, что это надолго.

Пьяный ельцинский балаган сменился путинским застоєм. Путин выдал из страны зловещего демиурга Березовского, который чуть ли не привел его за руку в Кремль (или больше делал вид, что привел). Неожиданно умирает Собчак. Вскоре после этого Путин устраняет

из Государственной думы так обласканных властью в прошлом либералов и правит как самый настоящий самодержец, опираясь на мертвую чиновничью массу, сырьевых олигархов и спецслужбы. В руках этих трех новороссийских сословий, всех их жен и челяди оказываются газ, нефть и ход истории. Страна для них становится производным по отношению к энергетическим ресурсам. И если ты не принадлежишь к трем этим кланам, то мне ой как жаль тебя, потому что здесь у тебя, скорее всего, нет судьбы и будущего!

Политическое пространство сузилось до ширины прогулочного дворика в следственном изоляторе.

Сказать, что режим стал людоедским и палаческим, – было бы неправдой, просто всем вдруг стало очень скучно жить. Целое поколение молодежи осознало, что ничего не изменится, что им ничего не светит.

Общество стало мельчать, и посредственность стала господствовать во всех сферах жизни. Эпоха крепких советских героев уже давно прошла, успела лишь законсервироваться в памяти старого поколения. Новой России герой был не нужен, все кругом было пошлым и бесформенным.

9

Обдолбанный Моцарт набросился с кулаками на группу то ли голландцев, то ли фрицев, которые мирно прогуливались в воскресный день. Его с трудом оттащили. Добродушные европейцы были ошарашены таким поведением, они, видимо, редко подвергались внезапным нападениям. А Моцарт иностранцев недолюбливал.

Есть такая отличная вещь, как бутират, лекарство, созданное для того, чтобы облегчить роды женщинам; более дешевые сорта бутирата делают из жидкости для промывания трупов. Пару выпитых пробок превращают тебя в полуовоща-полуобезумевшую обезьяну. Еще под бутиратом дают все женщины, только где найти таких женщин, которые согласятся добровольно пить эту дрянь? От одного запаха можно тут же проблеяться.

Моцарт напал на гостей Северной столицы под бутиратом, такое с ним не может сделать даже алкоголь.

В парадной, где они стояли, где-то на Гороховой, было темно и накурено. Они ждали Гримми. Гримми – типичный представитель золотой молодежи, угодивший в плохую компанию, имел накачанный торс стероидного атлета, черные кудри, которые чуть прикрывали загорелую физиономию плебоя-итальянца. Но быть плебоем мешал запойный алкоголизм. Гримми любил напиваться до полнейшего беспамятства и выкрикивать нацистские лозунги. «Восемьдесят восемь!!!» – кричал он однажды, лежа пьяный на земле под скамейкой. Кроме Васи и Моцарта была еще небольшая команда уличных хулиганов и Маркиз, молодой наркоторговец, тринадцати лет. Бутират принес он.

– Ну и вонь!

– А ты не нюхай, ты сразу пей!

Легко сказать «сразу пей!», когда от напитка струится аромат разлагающихся трупов. Он решил сразу не пить, а посмотреть на реакцию других. Согласно его новым правилам, чтобы стать плохим, надлежит попробовать побольше разных наркотиков. Выпили, вроде ничего, добавилось некоторое количество дури, но в остальном все оставалось без изменений. И он тоже отхлебнул.

Есть наркотики для богатых и наркотики для бедных. Для богатых – кокаин, для бедных – спиды и бутират. Спида, например, жутко грязные, по сути разбодяженные всяким дерьмом, обладают чрезмерным количеством побочных эффектов, не пропорциональных полученному удовольствию. Кокаин не так вреден, после кратковременного взлета он всего на несколько

часов погружает тебя в глубокое ощущение собственной никчемности. Героин сейчас пользуется популярностью только у подвальных бомжей и крайне асоциальных личностей.

Первое, что он ощутил, – приятные потоки тепла, которые пронизывали тело, лицо стало чересчур расслабленным и спокойным, как у доброй старушки, которая только что спокойно умерла после приема повышенной дозы лекарств.

И тут вся их неумняемая кампания двинулась на улицу. Первым делом в магазин за алкоголем – одно другому не мешает. Вообразите себе группу обдолбанных хулиганов, которые врываются ночью в продуктовый магазин «24 часа» и – о боже – начинают танцевать! Хулиганы, подогретые бутиратом, под внутреннюю музыку извиваются в танце и синхронно машут руками высоко над головой, как самая настоящая процессия на бразильском карнавале. Тут Бретёра искажает приступ хохота.

Моцарт хватает буханку хлеба в нарезке и начинает с ней на всех нападать. Он бьет Маркиза по физиономии, пакет рвется, и вся буханка разлетается праздничным фейерверком. Моцарт начинает собирать кусочки с пола. Из магазина они вышли никакущие, с невнятной речью и полностью без мозгов. Ты совсем иначе чувствуешь свое тело, оно тебя плохо понимает и как бы вступает с тобой в диалог или в спор.

Когда Одиссей оказался на незнакомом острове, злая волшебница Цирцея напоила его спутников чудесным напитком и превратила их в свиней. Наши герои были ничем не лучше.

Выйдя из магазина, Бретёр обнаружил довольно мрачную картину. Каждый из них стал животным. Он выпил меньше других, и ему худо-бедно удавалось себя контролировать. Кто-то вдруг начинал жалобно мычать и выть, болтаясь в пространстве тряпичной куклой в руках невидимых злых джиннов, кто-то мочился прямо на себя, а Моцарт избивал лежащего на земле и истекающего кровью Гримми, добивал его ногой с разбега.

Никакой ссоры не было, это был просто спонтанный всплеск агрессии. Никто не мог ничего противопоставить, потому что никто не понимал, что на самом деле происходит. Просто какие-то ошметки тел, какие-то червяки, ползающие по гнилому мясу.

10

«Тебе следует покончить с этим дерьмом! Эксперименты с наркотиками следует прекратить!» – подумал Бретёр, придя в себя где-то на третий день. Если трава не влечет никаких последствий, то эта дрянь на некоторое время буквально парализовала его, вялость сменялась всплеском лихорадки с оттенком паники. Он чувствовал себя полнейшей развалиной, ему бы пришлось к месту ходунки. И еще эти ужасные мысли о собственном ничтожестве, они жалили, как разъяренные шершни, словно он только что разорил их гнездо.

На следующий день его ждала агитационная работа. Коммунисты включили нескольких нацболов в свои списки на муниципальных выборах, взамен нацболы участвовали в агитационной кампании коммунистов. Надо было разнести огромную кипу агитационных газет по квартирам нескольких здоровенных многоэтажек, засунуть их в почтовые ящики и в щели между дверьми квартир.

В 9:00 их небольшой нацбольский отряд был практически в сборе. Их было человек десять. Командир Андрей Дмитриев, тот самый, кто, по мнению Бретёра, напоминал диктатора далекой азиатской страны, в пальто и кепке деловито раздавал газеты.

Напарник Бретёра Леша носил небольшие очки и немецкую военную форму, он считался интеллектуалом. Они с ним взмокли, как ездовые лошади на экваториальном солнце, обегав десяток этажей в пяти домах. Но их партийный день еще только начинался. Покончив с агитацией, они поехали бороться с уплотнительной застройкой на проспект Стачек. Члены настоящей народной партии, они не гнушались выполнять самую черную работу на благо простых граждан.

На самом деле простая уличная борьба может быть увлекательной. Смотрите сами. Борьба за сквер и пару-тройку деревьев может превратиться в настоящее революционное восстание в отдельно взятом дворе. Это тот самый прекрасный момент, когда среди обывателей выделяются вожди и уличные трибуны. Роль нацболов в данном случае проста: они подстрекают, подогревают недовольство, радикализируют народ. Так из искры раздувается пламя.

Проспект Стачек – унылое место на окраине, снаружи растут деревья, а во дворах растительность подчас ничтожна, но строительным компаниям на это положить. Сейчас они планируют установить на детской площадке зловеющий железобетонный кондоминиум, возможно, как в знаменитом «Метрополисе».

– Наш общий долг встать на защиту нашего сквера! Мы хотим, чтобы здесь играли наши дети! – Бравая мясистая тетка взобралась на горку в центре детской площадки и произносила речь, обильно жестикулируя.

– Да! Да!!! – подхватывала разношерстная толпа местных жителей, сгруппировавшаяся вокруг импровизированной сцены.

Народ в гнев великолепен. Кто-то готов перекусить горло застройщикам и раскроить их черепа прямо сейчас, у немолодого жилистого рабочего дрожат руки.

Дмитриев раздал им повязки и пошел решать вопросы с представителями местного протестного штаба. А они продолжали кричать:

Это наш город!

Это наш город!

Вскоре он залез на детскую лестницу:

– Мы собрались здесь сегодня...

Шла короткая приветственная речь, а в конце призыв:

Перекроем проспект Стачек!

Перекроем проспект Стачек!

Толпа отреагировала радостными воплями. Бретёр посмотрел по сторонам и обнаружил, что они находились в кольце ментов, которые как только, так сразу готовы по свистку броситься в атаку, растерзать их и упаковать по машинам, вот даже на всякий случай подогнали еще и целый автобус. Красные нацбольские повязки действовали на них, как красная лазерная указка на кота. Чуть поодаль стояли с портативными камерами молодые опера. Кто-то из сотрудников начал что-то выкрикивать в мегафон, основное требование, понятно, мол, расходитесь по домам.

– Посмотрите, среди вас находятся экстремисты!..

В ответ народ поддержал нацболов и кто-то даже прикрыл собой. Думали, что их начнут точно вылавливать из толпы, но пока что они выжидали.

Они стояли с народом одной могучей цепью. Перекрыть широченный, как разлив реки Волги, проспект Стачек целиком в таком количестве невозможно, но им удалось занять целый его рукав. Такие действия попадают под административную статью.

Понятное дело, что правоохранители немедленно организовали объезд, так что их акция не возымела должного эффекта, правда, отдельные тупицы выстраивались перед ними на машинах и бибикали. Небольшая группа ментов – те, которые поавторитетнее, – ставка главного командования, что-то решали, а потом разошлись, глядя на них. Из камер нацболов снимали уже крупным планом, они чувствовали легкий неприятный мандраж.

Все, сейчас будут брать!

Сотрудники кидаются на них, как на амбразуру, выхватывая всех подряд из их цепи; цепь уже разорвана и превратилась в клочья. Кто задержан, кто скоро будет задержан, кто кидается врассыпную. Когда два озверевших мента бросились в аккурат за Бретёром с Лешей, то они резко рванули в сторону и им удалось запрыгнуть в трамвай, менты за ними. Вот они уже бежали по кишке трамвая... потом выпрыгнули в последнюю дверь и уже неслись неведомо куда. Вроде как пронесло.

11

Они еще какое-то время прятались во дворах, пока все не рассосалось. Бретёр медитировал. Когда засыпал, он часто видел яркие, экстремально живые сны, которые никак не может увидеть обычный человек. Во сне он мог ощутить вкус, прикосновение, взмыть в небо и сражаться с джиннами. Иногда он мог чуть задремать и увидеть грезы наяву, чуть позже он узнает, что это не совсем обычный дар.

Прищурившись, он смотрел на город и видел... дымящиеся городские руины, их кривизну и неровность – все это напоминало огромный рот злой хищной старухи. Высотку уродливо перекосило, дворец – с него сошла кожа-штукатурка, а этот, после продолжительной атаки, и вовсе похож на источенный клык, какое-то могучее дикое растение проросло из всех щелей, кое-где разорвав в клочья архитектуру. Отдельные строения полыхали от огня, так что небо наполнено сиянием апокалиптического ужаса. Весь город захвачен и оккупирован их войсками.

Армейские сапоги, АК-47 и еще несколько единиц всякого мелкого оружия – они шествуют с Лешей по городу и время от времени делают несколько залпов в воздух, чтобы подогревать напряжение.

Людей немного, разбросанные тут и там маленькие группки. Кто подвергается немедленному или отсроченному насилию, в зависимости от их сиюминутных предпочтений, их охватывают приступы внезапной жестокости, которая, впрочем, ничем не мотивирована. Такое бывает у полубогов, перед которыми ползают на коленях.

Все население города в их руках. Можно делать с людьми все что угодно. Проводить геноцид или реализовывать общественные утопии самого различного толка.

На центральной площади города установлен праздничный эшафот. Здесь без разбору казнят чиновников городской администрации. Судьи в цветных мантиях – подростки лет по пятнадцать – коротко зачитывают приговор, а палач в черном, как полагается, одеянии приводит в действие исправно работающий механизм гильотины. Время от времени гильотина тупится, застревает в шее жертвы, как десертная ложечка в желе. Тогда палач вытирает пот со лба, берет здоровенный нож и дорезает голову собственноручно. Головы складываются в бочку для мусора, перевязанную красными лентами...

Все, отставить! Бретёр обнаружил у себя внутри странную склонность к насилию и испугался ее. С другой стороны, насилие – это, вне всякого сомнения, проявление жизни, сама жизнь. Брать города, брать женщину – все это насилие.

Он приоткрыл глаза. Город был никем не захвачен и жил в привычном ритме. Что касается гильотин, то ее, конечно, тоже нигде не было. Сейчас это дорогое удовольствие, и ее можно приобрести только во Франции по спецзаказу.

– Я в шоке, я просто в шоке! – Рыжая борода нервно расхаживал взад-вперед во время собрания, руки дрожали, а глаза искрились патологической злобой и ужасом. Женя Павленко никак не мог успокоиться.

Вчера в пьяной драке зарезали бывшего гаулейтера петербургского НБП¹ Андрея Гребнева. Вживую Бретёр его никогда не видел, но по рассказам партийцев составил себе портрет крепкого рабочего парня с окраины, дерзкого, безбашенного и заносчивого.

«А ну-ка, все вставайте в строй! А кто не встанет – тому я лично дам в морду!» – кричал на шествии молодой фюрер в кожаной куртке и берете в стиле команданте. На собрании царила атмосфера беспросветного мрака, даже говорили вполголоса. В углу стоял его брат Сид и молчал, его жена плакала.

Когда-то в Питере было два известных гаулейтера: Андрей Гребнев и Дмитрий Жвания, они были антиподы. Первый: ярый националист, предводитель ватаги уличных штурмовиков. Второй: интеллектуал-индивидуалист, тяготеющий к анархизму и разным мелким экзотическим течениям. В свое время в Питере между их сторонниками развернулась настоящая баталия, тогда нацболы захватили крейсер «Аврора» (каждая группа отвечала за определенную часть акции). Борьба за власть, как видите, идет даже в полузапрещенной партии, где дело ну никак не касается денег, а до реальной власти в стране еще ой как далеко.

Гребнев активно нравился Лимонову и в конечном итоге выиграл, но позже стал с трудом выносим из-за наркотиков и отошел от руководства; как-то, когда Лимонов приехал проинспектировать отделение, тот сутки пролежал в соседней комнате, обдолбанный «колесами», и даже не вышел позвать руку вождю. Сейчас в Питере вождя не было, но было коллективное руководство.

Накануне Бретёр бухал в коммуналке у одного рядового старого нацбола, которого за глаза называли Угрюмый, так тот полностью выдал ему весь расклад, от партийных кличек до самых интимных сплетен. Встреча сопровождалась просмотром старых партийных фотографий. Бретёра, понятное дело, больше всего интересовала вылазка отряда Лимонова на Алтай, он до сих пор не понимал, что там на самом деле произошло. Он расспрашивал, но деликатно, чтобы не показаться каким-нибудь ментовским стукачом – ибо члены радикальной партии по понятным причинам люди довольно подозрительные. Выяснилось, что из питерских в отряде был только Сид. Угрюмый сказал, что Сид – личный друг Лимонова. «Вот это да!» – подумал Бретёр.

– Ну, понятное дело, ребята на Алтай не просто так отдыхать ездили! – резюмировал партайгеноссе.

Было ли в действительности оружие? Если да, то сколько автоматов? (Бретёр слышал по телевизору невнятную расшифровку переговоров в программе «Человек и закон: суд над призраком».) Если речь шла об отторжении территорий Северного Казахстана в пользу России, то каким образом? Что мог отряд из нескольких человек? Это же чистое безумие... Завербованный ФСБ предатель Акопян гордо утверждал, что они готовились проводить диверсии и теракты на крупных предприятиях, для чего больше года занимались промышленным шпионажем. Бретёр подумал, что правду про алтайский поход он узнает еще очень не скоро.

После перекрытия проспекта Стачек забрали почти всех, в том числе Песоцкого, у которого было с собой несколько красных нацбольских повязок. Он рассказал, что в отделении их

---

¹ Национал-большевистская партия (НБП), которая упоминается здесь и далее, запрещена законом 7 августа 2007 года. (Примеч. авт.)

надели полицаи и стали играть в Нюрнбергский съезд в нацистской Германии, они расхаживали взад-вперед и весело кидали зиги.

13

Бретёр шагал в колонне национал-большевиков, и у него в руке развевался огромный красный флаг с черным серпом и молотом. Их колонна двигалась в хвосте общего гигантского шествия в день годовщины Великой Октябрьской революции. Как-то глупо и нелепо, подумал он, что из-за смены календарных стилей Октябрьская революция переехала в ноябрь. Сейчас, как вы понимаете, праздничная демонстрация 7 ноября и наш герой сливаются воедино с этим бескрайним организованным потоком человеческих тел.

Сбор традиционно проходил у БКЗ «Октябрьский» под аккомпанемент советской эстрады, перемежающийся, впрочем, и с мощными песнями, обладающими сокрушительной силой.

«Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!» Под такую музыку хорошо идти на смерть или, по крайней мере, бросаться в атаку.

Он увидел своих издавелека по флагам, с собой он притащил пару товарищей, чем вызвал всеобщее одобрение. Столпотворение было довольно интересным и включало множество странных персонажей в духе какого-нибудь «Сатирикона» Феллини. Царила атмосфера непревзойденного сюра. Старушка с праздничным портретом Сталина соседствовала с толстобрюхим попом, который размахивал своей церковной утварью. Задастые дядьки из КПРФ, любящие тряхнуть стариной, экипировались в свои фирменные шарфы и с видом покровительственной невозмутимости созерцали простой народ. Кого только не было. Помимо реальных организаций из обоймы левых политических сил второй столицы присутствовало неиссякаемое число виртуальных, как будто наспех сколоченных для сегодняшней даты. Пенсионеры были тесно переплетены с молодежью, а также с рабочими, алкашами, люмпенами и просто случайными людьми. Троцкисты, маоисты, анархисты, а также все прочие уже развернули свои угрожающие агрессивные знамена на всеобщее обозрение, демонстрируя если не готовность достать оружие и всех поубивать, то хотя бы затаенную злобу, которая вот-вот способна привести к непредсказуемым последствиям для сытого и спокойного общества.

«Ешь буржуев!» – отличный лозунг, не правда ли? Социальная ненависть, приправленная изрядной долей каннибализма.

Их расставили в колонну, и они одними из последних двинулись, замыкая общий поток. Они шли последними, потому что больше всего раздражали власть, а коммунисты власть не раздражали. За ними шли только анархисты с антифашистами, представляя собой крохотную толпу плохо организованной ребятни.

Во главе, естественно, шли сытые и разрешенные коммунисты, которые ничего лучше в политическом смысле не придумали, как дважды в год выходить на санкционированный карнавал. Что может быть более выгодно режиму, чем ручная, да еще и не семи пядей во лбу оппозиция?.. Тесные сношения с властью превратили коммунистическую партию в неочерносотенцев, в один из оплотов путинского полицейского режима.

Президента – в отставку!

Губернатора – в отставку!

Весело скандировала их колонна. Лозунги, дерзкие, как выстрел без предупреждения в голову, иногда прерывались краткими выступлениями представителей питерской партийной верхушки НБП.

«Мы объявляем сегодняшний день днем русского бунта!» – кричал Барт.

Далее мегафон циркулирует из рук в руки Дмитриева, Песоцкого, депутата Леонова и всех, кто имеет опыт и может внятно сформулировать свои взгляды.

Со стороны само шествие их колонны в чем-то напоминает передвижение военнопленных, потому что их со всех четырех сторон конвоируют менты различных званий и комплекции. Так власть демонстрирует, что готова задушить революцию во младенчестве.

Путин – лыжи, Магадан!

Кричалки от злобного и негодующего стиля иногда скатываются в юмор, озорной и остроумный. Тем временем Бретёр гордо несет флаг и уже обнаруживает себя посередине Невского проспекта. Из окон маленьких кафе на них вылупляются люди различного социального положения и материального достатка, их лица перекошены в гримасе явного недоумения. Слегка испуганы молодые миловидные продавщицы бутиков, их не на шутку взбудоражили красные знамена.

У самого подхода к Дворцовой площади их небольшой отряд устроил торжественную кульминацию революционного праздника. Добрая половина нацболов извлекли из-за пазухи заранее припрятанные фаера, и колонна вся залилась торжественным праздничным светом. И все это на фоне возбужденных и негодующих ментов, которые никак не могут понять, что с ними делать. То ли оставить в покое, то ли немедленно задержать и доставить в отделение, а там избить. Принимают решение не трогать.

На митинг они не пошли, оргкомитет отказался давать слово их лидерам.

Нам нужна другая Россия!

14

Родословная Бретёра была totally не большевистской. Прадед по матери – известный и уважаемый начальник вагоностроительных мастерских – был расстрелян революционными рабочими. По отцу и того круче. Все воевали в царской армии, начиная примерно с XVII века. Наиболее близкими были участник Кронштадтского мятежа и главштаба Дикой дивизии барона Унгерна. И еще, что приводило Бретёра в особенный восторг, он приходился прямым потомком брата самопровозглашенного Верховного правителя России адмирала Колчака. Впрочем, он всегда считал героями и белых и красных.

Мысли о съезде партии не покидали Бретёра всю неделю. Стихийное, как пламя, воображение рисовало самые величественные и яркие картины, красные партийные знамена и факельные шествия. Недавно он посмотрел документальный фильм «Триумф воли» Лени Рифеншталь, и его увлекла могучая тоталитарная эстетика.

Из конспиративных соображений на съезд было решено отправляться несколькими группами, используя различные виды транспорта. Их небольшой отряд, одна четверть партийной ячейки, должен был в ночь выехать на автобусе. Вечером он собрал вещи, нацепил охотничью цвета хаки куртку с меховым капюшоном – это потому, что стоял осатанелый холод, – и вышел

из дома, чтобы пешком пойти до автобусного вокзала. Денег на предстоящее путешествие едва хватало.

Они выехали в ночь. Бретёр, Андрей Песоцкий, Барт, Женя Павленко и остальные. Среди них был какой-то парень, про которого единственное, что он знал, – это то, что тот вклеил себе в паспорт фотографию Гитлера... С Бретёром рядом сидел довольно молчаливый нацбол Олег Петров, из коротких, обрывочных фраз которого он составил для себя портрет типичного молодого парня из необустроенной семьи. Олег учился в ПТУ на повара. Денег с собой у него было еще меньше, чем у нашего героя.

– Выехали из Питера! – сказал Бретёр маме по телефону.

Мама часто волновалась за него, но никогда не стремилась его контролировать.

– Ты что, совсем мудака?! – Перед ним возникла рыжая борода. Павленко смотрел на него яростными, осуждающими глазами.

– Все нормально. Его же не прослушивают! – крикнул Барт.

Они уносились прочь из города в Москву. Казалось, вся милиция должна быть озабочена только ими и должна бросить все силы, чтобы их поймать. Они, конечно, переоценивали свое значение на тот момент.

Вдоль дороги располагались самые мрачные и таинственные архитектурные сооружения, заброшенные заводы, цеха и кабаки. Вскоре город растворился и место домов заняли жиденькие разнокалиберные деревья. А потом наступила темнота. Самое приятное в ночной дороге – глубоко за полночь выйти где-нибудь на остановке и заказать горячего черного, как русская зимняя ночь, чая у бедняков-торговцев; как только выходишь из автобуса, они сразу набрасываются на тебя, как стая голубей на зерно.

Бретёр включил в плеере свою любимую песню. Она начиналась так:

Я сам себе и небо и луна,
Го-олая довольная луна,
До-олгая дорога,
Да и то не моя.

За мно-ою зажигали города,
Глупые чужие города,
Та-ам меня любили,
Только это не я...

Он закрыл глаза и вспомнил момент из детства. Ему шесть лет, папа забирает его из школы, и они выходят из метро «Горьковская». Прямо в саду, на траве, а точнее, на грязи, потому что весна и травы пока нет, играют уличные музыканты.

Рок-группа имеет двух солистов, маленького и длинного. Маленький, с черной шевелюрой на голове, экзальтированно завывает высоким, чуть картавым голосом. На нем зеленая растянутая и разорванная футболка. Длинный, фронтмен, похожий на циркового клоуна, облаченный в сплошь увешанный орденами и брошками черный пиджак, танцует как сумасшедший посередине огромной грязной лужи, так что брызги летят во все стороны прямо на прохожих. Их слушают всего с десятка зевак. Маленький Бретёр был околдован этой музыкой, и они остались слушать концерт до конца. Тогда он впервые заплакал от счастья.

Текст песни «Дорога» группы «АукцЫон» написан бессознательно, но Бретёр видел его смысл для себя таким: человек одинок и заброшен в этот полный призраков и иллюзий мир, и сам он суть такой же призрак. Потому глупо цепляться за что-либо тут. А лучше, удивляясь и очаровываясь, лететь, как во сне, в поисках новых страстей и приключений.

Когда радикалы различных калибров и направлений вдруг соединяются в одной оппозиционной партии, то какой власти это может понравиться? Никакой. Такая политическая организация обречена на вечную борьбу, на гонения и тюрьмы, и так до полной разгромной победы над врагом. Ее ждет революция или смерть! Своей кипучей энергией и личным примером Лимонов навсегда привил партии такой воинственный и наступательный дух.

Если Лимонов по типу был кшатрием, то второй отец-основатель Национал-большевистской партии, Александр Дугин, был явный брахман и походил на бородатого волшебника-медиума. Философ-эрудит, он популяризировал идеи интеллектуального фашизма и правых религиозных мыслителей-традиционалистов, таких как Рене Генон и Юлиус Эвола, он открыл для России геополитику и евразийство. Благодаря своему исключительному кругозору этот неисправимый романтик воистину стал первооткрывателем многих духовных тайн.

Что общего между писателем-радикалом и ультраконсервативным философом? Конечно, вера в имперское могущество России и фундаментальная ненависть к Западу. Именно поэтому в качестве партийного праздника Дня русской нации была избрана дата 5 апреля – годовщина Ледового побоища, первой сокрушительной победы России над Западом. Для того времени противостоящий войскам Александра Невского Тевтонский орден был своеобразным аналогом сегодняшнего НАТО.

НБП имела довольно синкретичную идеологию, но при этом вполне здравую и живую. Она соединила в себе социализм и национализм, анархизм и консервативную революцию. Получалось так, что внутри страны, для своих граждан, партия была левой: боролась за права бедных, гражданские и политические свободы. А снаружи, для врагов, партия была правой и выступала за агрессивную внешнюю политику.

Идеология не была жестко сформулирована раз и навсегда и оставляла возможность каждому, абсолютно каждому активисту и сочувствующему поделиться своими собственными мыслями. Газета «Лимонка» стала самым свободным политическим изданием за всю историю страны, в ней помимо анализа актуальных политических событий публиковались и сложные мировоззренческие статьи про Мао Цзэдуна, «Красные бригады», Карлоса Шакала и Чарльза Мэнсона, в ней печатали первые юношеские стихи и обсуждали фильм «Прирожденные убийцы».

В рядах партии свободно уживались между собой начитанные студенты и парни с рабочих окраин, простые работяги и интеллигенты, скинхеды и панки. Последние массово вступали в организацию благодаря третьему отцу-основателю, Егору Летову. Вечный борец с режимом и подпольщик, лидер группы «Гражданская оборона», играющей то грязный панк, то гаражный рок и наркотический психодел, обладал непререкаемым авторитетом в глазах огромной армии своих фанатов по всей стране.

НБП стала действовать стремительно и начала с решения не внутренних проблем, но внешних. Партия активно поддерживала русских в странах СНГ, привлекала широкую общественность к их проблемам, стремилась мобилизовать и организовать их, чтобы те наконец-то нашли в себе силу и храбрость снова, вместе со своими территориями, вернуться в одно мощное большое государство.

Именно нацболы первыми стали открыто говорить о необходимости и неизбежности присоединения Крыма к России. Чтобы сказать об этом во всеуслышание, пятнадцать активистов захватили башню матросского клуба в Севастополе и вывесили растяжку:

Севастополь – русский город!

То есть они были экстремально правы уже тогда, когда это еще не было мейнстримом. За свои убеждения им впервые пришлось отстрадать в тюрьме.

Однако больше всего на постсоветском пространстве русских притесняли не на Украине, но в Прибалтике. Здесь была болевая точка и столкновения были наиболее ожесточенными. Потому, когда нацбол Сергей Соловей вместе с товарищами мирно захватил башню Святого Петра в Риге, чтобы привлечь к этой проблеме побольше внимания, их, как особо опасных преступников, задержал антитеррор. Кстати, до этого еще один будущий участник акции, Илья Шамазов, нелегально пересекающий границу, умудрился выпрыгнуть из поезда на скорости семьдесят пять километров в час. Жизнь нацболов стала походить на настоящий приключенческий боевик в международном масштабе.

Самое настоящее кино началось на Алтае. Оттуда, по мнению следователей, сам Эдуард Лимонов со своими ближайшими поделниками планировал совершить вооруженное вторжение в Казахстан, чтобы присоединить впоследствии к России исконно наши территории с построенными казаками городами и преобладанием русских. Но вместо того чтобы благому делу поспособствовать – оно бы обогатило государство новыми плодородными землями и увеличило население, – спецслужбы, напротив, его пресекли и захватили группу Лимонова, когда она была еще на территории России. Со стороны это выглядело как вопиющий акт предательства.

Храбро воюя на передовой на всех внешних фронтах, партия была вынуждена открыть второй фронт. Внутренний. Против режима. Чтобы привлечь внимание к той или иной общественно значимой проблеме, партия устраивала нечто дерзкое, провокационное, порой выходившее за границы административного права. Ей удавалось делать мощные и радикальные акции прямого действия, находясь при этом в рамках закона. Иначе бы с ней расправились мгновенно.

Они могли закидать яйцами Никиту Михалкова за то, что тот публично поддержал режим Назарбаева, который, по их мнению, был антироссийским. Могли вломиться на либеральную конференцию с криком:

Завершим реформы так:

Сталин! Берия! ГУЛАГ!

Могли кинуть яйцо в генсека НАТО или облить майонезом председателя Центризбиркома Вешнякова. Понятное дело, что власть не собиралась ни регистрировать НБП, ни уж тем паче допускать до выборов в Государственную думу.

Долгие годы нацболы вынужденно держали круговую оборону. Но вскоре и у них стали появляться союзники.

Москва в пять утра с трудом выносима. Мерзлые пустынные улицы разворачивают перед тобой свое столичное убожество, недалекое соединение барского стиля с угрюмым советским классицизмом. Москва, ей-Богу, так же несуразна, как дачный поселок для новых русских –

один дом пошлее другого, и вся эта пошлость никак не упорядочена. По улицам в дичайшем количестве циркулируют сотрудники милиции. «Здесь что, всегда так или все они нас ждут?» – подумал он. Впрочем, тут же отбросил эту мысль.

Первое, что они сделали с утра, – зашли в самое дешевое кафе и выпили водки, чтобы не промерзнуть. С селедкой на закуску. Что может быть лучше? Это было такое утонченное, изысканное удовольствие для особых русских сибаритов.

Их небольшой отряд передвигался все дальше от центра на периферию Москвы на новом, теперь уже городском автобусе. В дороге он ни разу не сомкнул глаз и был зверски измотан. Но ради любых приключений, как известно, следует отказаться от комфортной жизни.

– Нацболы из Питера приехали!

Они постучались в один из добротн обустроенных подвалов. Это бункер – московский штаб НБП. Им открыла компания крепких провинциальных ребят, пожала руки и запустила внутрь. Подвал был довольно вместительным и состоял из нескольких больших комнат. Общая приемная, кабинет руководства, кухня и другие помещения без конкретного, определенного предназначения. Была даже настоящая казарма!

Везде кипела работа. Рано утром штаб полузапрещенной организации работал в таком нечеловеческом темпе, как будто сегодня в полдень намечено восстание. Взад-вперед расхаживали люди, целые потоки людей с разных городов, раздавались поручения и приказы. Симпатичная девушка с обложки «Лимонки» занесла их фамилии в свой крохотный блокнот, и они счастливо отправились спать на нары.

17

Весь следующий день они провели в бункере. Бункер – это и ночлежка, и Мюнстерская коммуна, и община первых христиан катакомбного периода. В душном мрачном подвале царил атмосфера серьезной духовной борьбы.

Вставай, проклятьем заклеянный!

Так взывал с плаката на стене салютующий гигантский Фантомас.

Нацбольское изобразительное искусство имело свой неповторимый стиль, ловко соединяя в себе элементы соцреализма с имперским урбанизмом и поп-артом, здоровенные постеры в исполнении художников нацболов Лебедева-Фронтон и Беляева-Гинтовта звучали воинственно и агрессивно.

Первая ночь на нарах далась Бретёру не лучше ночи в автобусе, заснуть было невозможно. Рядом с ним лежал пьяный Олег, который своим чудовищным храпом терроризировал всю казарму. Храп звучал как трубный зов перед построением войск. Бретёр бесцеремонно будил его каждые пять минут, но храп всякий раз возобновлялся.

Ночью, где-то в три, когда все, кроме него, спали, один шибко пьяный поднял бучу. Вмиг подоспела группа нацболов оперативного реагирования, скрутила его и выставила на улицу в снег.

Они провели в бункере весь следующий день. Такое впечатление, что они перенесли в коммунистическую утопию будущего. Ты ешь, спишь, читаешь, разносишь газеты – любое твое действие коллективно, ты больше не наедине с самим собой, ты часть партии.

Я, воин НБП,
Приветствую новый день.
И в этот час единения партии

Я со своими братьями
Чувствую мощную силу
Всех братьев партии,
Где бы они сейчас ни находились.
Пусть моя кровь
Вольется в кровь партии,
Пусть мы станем единым телом.
Да, смерть!

Это текст молитвы нацбола.

Лимонова в бункере не было. Бретёр наблюдал за двумя другими лидерами, которые соперничали за второе место в партии. Владимир Абель, еврей из Латвии, был добродушным авантюристом и интеллектуалом. Он любил побухать и был настоящим мастером подпольной работы.

Его антипод Анатолий Тишин не пил вовсе, однако от этого странного бородатого человека с лицом не то клошара, не то священника разило чем-то тяжелым и гнетущим, будто он тащил на своей шее тяжелый камень, невидимый для остальных. Что это был за камень, Бретёр узнает много позже.

Бретёр довольно быстро утомился от коллективной жизни. Он чувствовал себя неловко, когда расхаживал по бункеру одиноким привидением, не зная, чем себя занять. Хотя кругом все бурлило и дел было предостаточно.

На следующий день, перед тем как заехать в гостиницу, у них было время и они посетили мавзолей Ленина. Набальзамированный вождь-фараон лежал себе в склепе пластмассовой куклой, а мощный вирус революции все еще блуждал по планете как ему вздумается.

18

Очень быстро вестибюль наполнился людьми, и вот уже в толпе, окруженный охранниками и журналистами, возник Лимонов в черном военно-морском бушлате. Он раздавал интервью. Бретёру он сразу понравился, он сиял бодростью и оптимизмом. До этого он боялся, что вдруг его кумир при жизни окажется совсем другим, отталкивающим и неприятным. Оказалось, нет. За день до этого Бретёру приснился сон, что они с ним сидят в тюрьме и вместе готовятся к побегу.

Их встречали девочки-нацболки, каждую из которых он знал по фотографиям в Интернете. Одна особенно красивая. Та, что однажды ударила принца Чарльза по морде букетом цветов.

Зал был действительно впечатляющим. Посередине висел гигантский красный нацбольский флаг и огромная растяжка:

Россия – все!

Остальное – ничто!

Лимонов взошел на сцену одним из первых и занял центральное место. Вскоре за длинный, обтянутый черной тканью стол сели еще человек двадцать. Основной дресс-код членов исполкома – черные кожаные пиджаки, черные рубашки, черные джинсы. Лишь Тишин, уничтоживший накануне свою бороду, сиял в белой сорочке и подтяжках в стиле правого хулигана.

В таких же подтяжках ходила девочка по кличке Зигги, комендант бункера, которую Бретёр наблюдал накануне. Очень жесткая девочка. Не то что конь с яйцами, просто носорог с огромными металлическими яйцами.

Заиграл партийный гимн, написанный внуком Дмитрия Шостаковича. После чего весь зал залился стихийным кличем и вскинул сжатые в кулак руки:

Да, смерть!

Да, смерть!

Клич символизировал готовность пойти на смерть ради интересов партии. И это были не пустые слова.

Когда Лимонов подошел к кафедре, чтобы начать выступление, зал еще раз зашелся приветственным криком и аплодисментами. Лимонов не так давно вышел из тюрьмы, о чем оповестили все каналы, и, судя по всему, был готов броситься в новую авантюру, однако необходимо было подождать еще какое-то время – несколько лет, пока он находился на условно-досрочном освобождении.

Перед партией стояла масса дел. За то время, что вождь сидел, партия окрепла и возмужала. По всей стране прокатились громкие акции прямого действия, прорывались кордоны милиции на маршах, шли потоки новых людей.

Сегодня на повестке дня стоял вопрос создания максимально широкой коалиции «Россия без Путина» с присутствием всех реально существующих оппозиционных сил. Начать с того, что вступить в союз с либеральными политиками. А для этого партии предстояло стать более сговорчивыми и постепенно отходить от тоталитарной эстетики или, по крайней мере, делать вид.

Пришлось прекратить пугать либералов и показать, что мы, мол, свои и с нами можно договариваться. На смену «Завершим реформы так: Сталин! Берия! ГУЛАГ!» пришли абсолютно демократические требования политических прав и свобод. Партия выросла и одновременно успевала выполнять свои тактические задачи.

Во время выступления Лимонова в зале громко ревел ребенок.

– Пускай кричит! Громче! Ребенок – это новая жизнь, это здорово! – Лимонов зааплодировал и продолжил.

Новая программа партии, за редким исключением, была составлена из вполне простых, даже популистских пунктов, соответствующих политической обстановке, и могла принадлежать какому-нибудь правозащитному движению.

Вот некоторые из них:

1. Дать свободно развиваться гражданскому обществу в России. Ограничить вмешательство государства в общественную и личную жизнь граждан.
2. Упростить регистрацию политических партий, вплоть до полной ее отмены.
3. Не препятствовать деятельности независимых СМИ. Обеспечить контроль общества за работой правоохранительных органов.

Многие протестовали, но Бретёр вполне принимал все это. Партия становилась более современной, чтобы бороться за власть в реальных условиях.

В зале Бретёр продолжил наблюдение за однопартийцами, которое начал в бункере. В президиуме он увидел того самого Сергея Соловья, который по глазам и лицу, похожему на обтянутый кожей череп, напоминал настоящего террориста. И еще одна деталь: у него была экзотическая форма ушей, как у вурдалака или летучей мыши. Дмитрий Бахур сидел где-то

в самом конце зала, как двоечник, и был похож на задиристого парня с промышленной окраины.

Бретёру нравились эти ребята, и он хотел стать таким, как они.

19

После съезда самой радикальной партии в России Бретёра ждали новые приключения: он готовился принять участие в массовой драке. Что значит «готовился»? Имеется в виду психологическая подготовка, времени разучивать удары и приемы не было. На тот момент он был совершенно неразвит физически, это его не останавливало. Он хотел начать себя испытывать, проверять на прочность. Единственное, чему он был кое-как обучен, – двум элементарным ударам с вложением корпуса: оттолкнуться одной ногой и перенести вес на другую, а между этим летит удар.

Вася с Моцартом ждали его на выходе с «Пионерской» среди пары десятков крепких хулиганов – под кепками в мелкую коричневую клетку Burberry блестят глумливые глаза и хищные зубы. В одежде преобладали синие и голубые цвета – символика «Зенита», хотя, собственно, сам футбол здесь всем по одному месту, он рассматривается только как повод для агрессии.

Футбольные группировки нападают не только на фанатов других команд, группировки, или «фирмы», фанатов одного клуба устраивают разборки между собой, чтобы выпустить пар и набраться боевого опыта, – такие встречи более безопасны, потому что они регламентируются.

А если ты ранним утром едешь на Московский вокзал, чтобы вычислить фаната «Спартак», приехавшего на матч, и планируешь покараулить и напасть на него, то такое нападение таит в себе элемент пугающей неизвестности: он может достать нож и изрезать тебя в лоскутки. В Турции, кстати, футбольное хулиганье зачастую использует здоровенные ножи. Это распространенная практика.

О съезде нацболов в этой компании Вася посоветовал не распространяться, было слишком много правых фашиков, они могли не так понять. Для них нацболы – это что-то типа коммунистов или RASH (Red Anarchist Skinhead – красные скинхеды-анархисты).

Пока они ждали, розовый толстяк, размахивая банкой пива, рассказывал про то, как он наелся спидов и стал звонить в пять утра всем своим друзьям и орать в трубку: «Мне так классно! Мне так классно!» Позже утром было уже совсем не классно, под действием наркотиков у него в небывалых объемах уменьшился член, и ему стало казаться, что это на всю жизнь, и его охватила паника.

– Что, очко играет? – Моцарт хлопнул Бретёра по плечу.

Таинственными тропами они двигались в заброшенный заросший парк.

– Это нормально. У всех играет, – сказал Вася. – Главное, бей первым и прикрывай голову. Ты капу взял?

– Мне никто не говорил про капу.

– Тогда воспользуешься моей.

Крупные фанатские группировки контролируются ментами, те, что поменьше, – в свободном плавании.

Их фирма называлась Slob troupe, что переводится как «Парень-труп». Парни хотели быть еще более устрашающими, чем на самом деле, – это в стиле знаменитой «Черной руки» Гаврилы Принципа. Впрочем, эти ребята и вправду могли навести ужас.

Итак, толпа крепколобых фанатов, у многих татуировки на оголенных торсах, браво разминалась перед боем и бинтовала руки. Чуть поодаль девушки с аптечками готовили перекись и повязки. Бретёр тоже сделал вид, что разминался, он стал подражать движениям других.

Другая группировка была поменьше, с менее опытным составом, они долго не выходили на связь. Состав Slob troupe, за исключением Бретёра, представлял собой сборище отборных уличных отморозков с разнообразным боевым опытом. Среди них был один крупный, чуть разбухший борец-кавказец – шея была толщиной с Александрийский столп. Его присутствие никого не смущало, так же как и Бретёра. Пусть парень попробует – одобрительно кивали в его сторону матерые драчуны.

В ожидании драки обстановка накаляется. Если вы дразните вашу сторожевую собаку порцией сырого мяса, то вначале у нее обильно потекут слюни, а потом она может сорваться с цепи и наброситься на вас. Бретёр тоже разделся и стал колотить себя в грудь, как абориген перед охотой.

Слоб-труп!

Слоб-труп!

Не хватало свиной головы, наколотой на палку. Он вдруг почувствовал себя среди подростков на необитаемом острове, как в «Повелителе мух» Голдинга. Кстати, «свиньи» или «мясо» – это на злобном фанатском жаргоне фанаты «Спартака».

Когда только подросли другие «фирмы», они стояли в полной боеготовности с красными туловищами и звериными глазами. Перед тем, как броситься в бой.

Вся драка длилась минуты две, Бретёр толком не понял, что произошло. Жилистый бритоголовый парень сперва ударил его в скулу, потом виртуозно перебросил через бедро. Все сосредоточилось по парам, впереди Моцарт метелил какого-то крепкого спортсмена, со стороны это выглядело столь же грациозно и хищно, как нападение дикого камышового кота.

Бретёр лежал на земле, но не чувствовал себя побежденным, позже ему не пришлось ничего мазать или бинтовать.

20

– Ты еще легко отделался! – Вася сидел напротив Бретёра в накуренном пабе, где они пили пиво. – Моцарелле, вон, как-то раз челюсть вынесли.

– Да, и я несколько месяцев ходил как Ганнибал Лектор! – Моцарт обвел пальцами подбородок. – Здесь стояли две металлические скобы.

– Как съезд?

– Нормально. Народу до фига было.

– Лимонова видел?

– Конечно. Он там выступал первый. Еще Захар Прилепин выступал. Это бывший омоновец, сейчас он тоже известный писатель.

– Тебя это все еще не задолбало?.. – Моцарт отхлебнул пива.

– Да как-то нет, – неуверенно сказал он.

Это было и правдой и неправдой одновременно. По наивности он представлял себе, что работа партийной ячейки будет куда более увлекательной. Хотя что можно было ожидать? Наверное, ему просто очень хотелось стать плохим и он пробовал наобум различные варианты: наркотики, воровство, драка, радикальная партия. Но в глубине души он все еще оставался хорошим мальчиком.

– Сейчас поедem на Гагару! – сказал Вася, допивая пиво.

Гагара – это Гагаринская улица на углу с домом, где жил Бретёр на Пестеля. Там стояла гоппническая школа и садик с детской площадкой – она наводнена огромными деревянными скульптурами-истуканами, еще там рядом пешеходная зона у Мухинского училища с неуклюжими каменными скамейками и столами. На этих скамейках их уже ждал в хлам пьяный Гримми и еще несколько странных персонажей. Один из них – Животное – настоящая громадина, туша крепко сбитых мускулов, массивная голова и два передних зуба торчком. Про него рассказывали небывалые истории, как про силача-великана из бродячего цирка.

Животное сидело напротив и злобно хохотало, оно было похоже на откормленного медведя. Вокруг собрались звери помельче, все пили из пластиковых стаканчиков вино с поэтичным названием «Алазанская долина». Только от вкуса этого пойла не веяло ничем поэтичным, это был дешевый спирт, разбодяженный концентратом.

Бретёр отхлебнул глоток и представил, как чудесная некогда долина переживает ядерную зиму, деревья разлагаются под смертоносным кислотным дождем, а всю зелень уничтожает стая саблезубых металлических жуков. Это был вкус ядерного кошмара, техногенного апокалипсиса. Химические соединения этого напитка довольно быстро погрузили его в новую, измененную реальность.

«Итак, что мы имеем? – размышлял он про себя, когда они двинулись в продуктовый магазин за новой порцией. – Хорошего мальчика, который из послушного маменькиного сына решил превратиться в Бретёра, задиру, плохого парня. Ха-ха, это только начало!» – резюмировал он.

Бретёр довольно быстро накидался после всех этих приключений и в пьяном бреду выстраивал концепцию новой жизни. Он что-то вычерчивал в воздухе рукой и в перерывах затягивался сигаретой.

Потом он стал кричать:

– Я вас всех поймею! Я поймею весь мир! Вы меня еще узнаете!

Вдребезги пьяного его доставили домой под утро.

21

План поймать весь мир он не оставил и на следующий день, когда они снова встретились, чтобы поехать на удельный рынок и закупиться каким-нибудь военным шмотьем времен Великой Отечественной. Бретёр хотел себе нож разведчика.

Кольцо он не купил, но купил настоящий самурайский меч!!! Не то китаец, не то тувинец сидел, скрестив ноги, прямо на асфальте. Картина была столь странной и впечатляющей, что на какой-то момент ему показалось, что китаец был не настоящим, то есть пришельцем откуда-то. Он был одет в совершеннейшие лохмотья. Хулиганье также было в шоке от такого.

Первым делом Бретёр потащил его точить, туда, куда несут точить ножи, к мастеру в оружейный магазин. Выяснилось, что он купил настоящую офицерскую катану начала XX века, стоимость которой во много раз превосходит то, что он отдал таинственному исчезнувшему китайцу. Мастер заточки был в восторге от нее, но не в восторге от того, что все лезвие было покрыто слоями засохшей крови.

Он узнал и кое-что еще, а именно судьбу оружия. Помимо мастера там оказался экстрасенс (экстрасенс в оружейном магазине!), который рассказал много интересного. Он сообщил, что у меча было два хозяина. Первый был японцем и закопал его в землю. Второй, откопавший его при невыясненных обстоятельствах, был уйгуром. Им было убито множество людей, а последние две жертвы – женщины. Возможно, неверные жены уйгура.

Бретёр отнес меч домой и повесил, как полагается, над кроватью. Он верил в то, что предметы могут обладать своей особенной силой.

– А ты не боишься, что тебе после всего этого будут сниться кошмары? – спросил один приятель – Леша Приходько, тот активно не любил все brutальное.

– Нет! Если будут сниться, я мысленно возьму этот меч и уничтожу их! – недолго думая ответил он.

И заснул с ним, вспомнив цитату из любимой книги «Хагакурэ» (кодекс самураев, написанный в XVI веке): «Меч без самурая – оружие еще более грозное, чем меч с самураем. Ибо не знаешь, в чьи руки он попадет».

Бретёр решил, что меч станет символом его личной войны против всех.

Мерлин

1

Ему показалось, что он лежит под землей целую вечность, хотя прошло, скорее всего, только полчаса. Бретёр не был в гробу, потому что если бы это был гроб, то у него в ушах и во рту не было бы такого количества песка. С удивлением для себя он обнаружил, что перестал чувствовать свое тело, которое воспарило в бескрайнем пространстве космической ночи, как известно, если притупить одно чувство, то могут необычайно раскрыться другие. Ровно так обстояло с его воображением, которое вдруг обострилось до предела. Мелькающие картинки перед глазами стали экстремально яркими, они как будто сочлились жизнью.

Бретёр вдруг представил все свои страхи, все самое неприятное, те моменты, за которые было стыдно. Неловкие случаи из детства и то, чего он больше всего боялся сейчас. Он вспомнил книгу «Хагакурэ». Кодекс говорил, что каждый день самурай должен представлять свою смерть в самых различных вариациях, так он всегда будет к ней готов. Бретёр уже давно работал над этим и тут же сумел выудить из головы несколько наиболее удачно спроектированных эпизодов.

Эпизод первый. Он стоит на вершине недостроенной высотки. Далеко внизу видны геометрические фигуры скверов и пятна машин, взад-вперед перемещаются тараканы людей. Он прыгает вниз, погружаясь в обволакивающую струю воздуха.

Эпизод второй. Связанный, он на пустыре под жалящим южным солнцем. Вокруг лежат окровавленные трупы, частично объединенные собаками. Его решетят пулями в спину, так что он даже не видит своих убийц. А в это время колдун вуду пронзает иглами его прообраз – специально изготовленную тряпичную куклу.

Эпизод третий. Яма. Жидкая грязь. Двое в черных масках вытаскивают его за шиворот из ямы, опускают на колени, заносят здоровенный нож для мяса и отрезают голову. В это время он слышит отвратительный металлический гул. Возможно, его же слышат контуженные в бою солдаты.

Гул еще стоял у него в ушах, когда над ним появились голоса. Это пришли его откапывать. Когда почувствовал, что слой земли уже совсем тонкий и он в силах встать, резким движением поднял корпус, выныривая из могилы восставшим зомби.

Перед ним стоял Мерлин.

2

Мерлин пришел в его жизнь внезапно. С такой внезапностью в материальный мир вдруг вкрапляются явления мира невидимого и необъяснимого. В мире ведь нет никакого единства, а если и есть, то его центр расположен где-то очень далеко по ту сторону всего, что только можно себе представить. Мерлин был пришельцем с этой темной для человека стороны.

Бретёр, как вы помните, пока только выполз из созданной в счастливом детстве колывали и был расфокусирован в своих влечениях. Иерархия страстей не была четко выстроена. Он принимался то за одно, то за другое и ничего не доводил до конца. Так вышло и с партией, которую он решил на время оставить. Его новым увлечением стала мистика.

В Москве в книжном магазине «Фаланстер» он купил биографию Алистера Кроули, самого известного мага за последние сто лет, которого называли Зверем и самым плохим человеком на земле. Забавно, что «самых плохих людей на земле» несколько. Кроули участво-

вал в костюмированных магических церемониях, возводил собственные импровизированные храмы, скитался по Мексике и Тибету, покорял опасные вершины гор. Этот чужак фактически непрерывно потреблял тяжелые наркотики и мог в процессе ритуала заставить одну из своих жен совокупиться с самым настоящим козлом. Вне всякого сомнения, он обладал особыми способностями, одна из них – способность к продолжительной концентрации. Он мог заниматься сексом и играть вслепую в шахматы одновременно. Партнер сидел в соседней комнате и проигрывал. Магическая концентрация отлично действовала на эрекцию.

Другой персонаж, выращенный христианскими мистиками, дервишами и суфиями, грек Георгий Гурджиев, наркотики в таком количестве не употреблял, зато, в отличие от последнего, излагал слаженную, как механизм велосипеда, эзотерическую систему. Он утверждал, что человек – это дерьмо, машина, которая подчиняется внешним влияниям. Он учил, как от них избавиться, используя причудливые специальные упражнения. Одно из упражнений: замереть на длительное время в непривычной для себя позе. Еще он проповедовал, что счастье человека – это когда у него много рабов.

С детства Бретёр верил в Бога и имел с ним не совсем обычные отношения. Очень давно, чтобы маленький Бретёр не засовывал пальцы в розетку, ему объяснили, что там живет «дядя Ток», которого нельзя беспокоить. Еще ему рассказали, что существует Бог, который все видит и всех нас создал. Так Бог и дядя Ток персонифицировались и появились в его сознании. Но если дядя Ток очень быстро его покинул, то Бог остался в его сердце навсегда.

Еще Бретёр считал, что все имеет душу: человек, животное, растение, даже черная дыра или ледяной астероид. Душа – она ведь как сосуд, наполненный силой. У кого-то этой силы много, а у кого-то нет совсем. Вполне возможно, размышлял Бретёр, что смысл жизни человека – увеличить количество этой силы, потому что она может пригодиться в решающий момент. Например, во время конца света или чего-нибудь подобного...

О Мерлине он узнал от своего приятеля Андрея случайно. Тот был старше его на пять лет и часто рассказывал про разные книги, его истории были окутаны особым, таинственным туманом. Учась на факультете журналистики, он готовился защищать диплом на странную и совершенно безумную тему: «Печать теософских и ариософских обществ». Вообразите, что за книги мог читать этот ненормальный человек? Его дед был настоящим цыганом и изобретателем-самоучкой.

Андрей рассказал про самую страшную книгу, которую читал. Страшна она тем, что в ней все реально и все можно применить на практике. Андрей сказал название, имя автора назвать отказался.

Само собой, что после такой интригующей презентации Бретёр немедленно полез во Всемирную паутину, чтобы извлечь саму книгу или хоть какую-то информацию о ней. Предприятие оказалось очень простым, хотя изначально он подумал, что место этой книги в библиотечном спецхране.

Бретёр прочел ее за два часа, она была более чем интересной и почти полностью разрушила его картину мира, все, что он знал до этого. Она повествовала о том, как наполнить себя внутренней силой и скрыто управлять людьми, в ней было много практических упражнений. С другой стороны, по духу книга была пропитана нищенством и говорила об идее сверхчеловека. Только речь шла не о философской теории, а о том, как вырастить сверхчеловека на практике. Лицо автора было наделено явными чертами демонизма.

После прочтения книги Бретёр нашел контакты автора, связался с ним и договорился о встрече на следующий день.

Так началась история с Мерлином. Почему Бретёр так назвал его? Дело в том, что Мерлин был полумифическим колдуном, которому приписывали воспитание легендарного короля Артура.

3

В кабинет вошел крупный, наголо бритый мужчина, одетый во все черное. От него веяло чем-то потусторонним и тяжелым, словно невидимый огонь преисподней повсюду сопровождал его на пути. Увесистый череп поблескивал на свету, а глаза распространяли вокруг разряды неясной природы электричества. Тяжелые мочки ушей были чуть оттопырены, как у Будды.

– Здравствуйте! У вас знакомое лицо. – Мерлин представился и протянул руку для приветствия.

– Здравствуйте!

Откуда знакомое – не ясно. Пластика и повадки Мерлина походили на пластику и повадки крупного черного кота. Однажды он увидел такого на площадке между кустов во дворе, он что-то кричал и шипел в компании самцов поменьше.

Мерлин сел напротив и пристально посмотрел Бретёру в глаза. Взгляд был магическим, но немного глумливым. «Прямо сейчас я воспламеню тебя, но сделаю это легко, без усилий», – как бы звучал он.

– Расскажите, откуда вы обо мне узнали?

– Я прочел вашу книгу, читал про вас в Интернете.

– Хорошо! Скажите, какова ваша цель?

– Я хочу стать сверхчеловеком. Вы могли бы научить меня? – произнес он и тут же удивился прямолинейности и безумности своего ответа. На мгновение показалось, что он находится в сумасшедшем доме и разговаривает с доктором. – Я взял с собой деньги!

– Деньги – это все туда. – Мерлин указал на коридор – туда, где за стеной сидела секретарша.

Дело было не в сумасшедшем доме, но в центре парапсихологии, Бретёр не мог и не пытался понять значение этого слова. Помимо психолога Мерлина в центре имелся астролог, психиатр и несколько экстрасенсов.

– А зачем вам это?

Бретёр не знал, что ответить. Ему стало страшно. Он вдруг почувствовал, что стал медленно плавиться под напряжением его взгляда.

– Я хочу быть сильным, хочу быть сверхчеловеком. Сейчас я чувствую себя неудачником, я даже не могу познакомиться с девушкой...

Признаться в последнем было крайне унижительно, но все обстояло именно так. На самом деле Бретёр не собирался это говорить, но подсознание вдруг вырвалось наружу, как течь в корабле, терпящем крушение.

– Когда вы станете сверхчеловеком, все это перестанет вас волновать, а любые самые красивые женщины будут к вам тянуться.

Картина показалась сказочно заманчивой.

– Вижу, вы пока не готовы...

Мерлин достал мобильник и прервался на короткий разговор с девушкой: «Да, моя котиха!...» Голос стал еще ниже и опустился до уровня грудного эротического шепота, слова воспроизводились в замедленном темпе.

– ...Ну что?

– Я пока думаю... Я хочу стать интересным человеком...

– Что?! – Мерлин выпучил на него глаза со смесью недоумения и ужаса, так что он даже испугался глупости сказанного.

– Я хочу быть сильным и хочу поиметь этот мир!

– Вот, это уже ближе к делу. – Мерлин взял ручку и аккуратно написал на квадратном листочке: «Сильный, иметь мир, вера в себя, лучше всех». – Я вижу такой алгоритм. Три вещи.

Цель, формула, или пошаговая стратегия, и психическое состояние. И еще кое-что. Чтобы это работало, нужно верить! Есть один интересный фильм ужасов. Герой, спасающийся от вампира, хватается со стены крест и направляет на него. Вампир спокойно берет этот крест и вешает обратно со словами: «Чтобы это работало, нужно верить!»

Их встреча закончилась спустя несколько минут. Покинув центр парапсихологии, Бретёр вдруг ощутил небывалый прилив сил. Весь мир вокруг вдруг оказался оглушительно красивым и наполненным. Эффект продлился всего несколько часов.

4

После случая с бутиратом Бретёр во второй раз решил больше не принимать никаких наркотиков. Он решил, что с него хватит. Но тут подвернулся еще один необычный случай. Плюс ко всему накануне он прочитал первые книги Карлоса Кастанеды, герой которых проходит обучение у мексиканского шамана Дона Хуана, в изобилии потребляет наркотические растения – кактусы – и достигает с их помощью самых смелых, головокружительных вещей. Таких, что ясновидение и разговор с животными покажутся по сравнению с ними просто левой чепухой. Кастанеда безоговорочно свидетельствовал в пользу наркотиков. Теперь Бретёр подумал, что они могут пригодиться не для того, чтобы стать плохим парнем, но для того, чтобы обрести силу.

В традиционном обществе наркотики – отнюдь не смертоносная забава для детей-дебилов, но инициация, то есть посвящение. Шаман с помощью мухомора или любого другого средства – зависит от региона проживания – забрасывает ученика в иную реальность, которая суть та же самая, только вид сбоку. Увидев всевозможные чудеса, неопит преобразается и смотрит на мир уже другими глазами. Этот опыт остается с ним навсегда.

У Бретёра не было под боком кактусов, но были два приятеля с таблетками-«колесами». Вася, тот, который был все еще на свободе, с Димой. Моцарта решили не звать. Боялись его тотальной неадекватности. Он ведь выкидывал черт-те что даже в кристально трезвом состоянии.

Дима был опытный наркоман со стажем, профессиональный торчок. Нездоровая худоба и синевато-бледное лицо молодого вампира. Оба уже приняли по полтаблетки и своими движениями напоминали двух бурундуков из мультфильма «Чип и Дейл». Все трое шли по Васильевскому острову вдоль залива по частично покрытому мусором пляжу.

Спустя полчаса они поднялись на грузовом лифте, преодолели пару мрачных лестничных пролетов и оказались на самом последнем этаже большого серого дома. Там располагалась двухэтажная мастерская родителей Бретёра. Такие похожие друг на друга вместительные мастерские раздавал в свое время Союз художников. Мастерская была наводнена картинами, инструментами, печатными станками и всякой прочей утварью, уместной для мастерской.

– Ни хрена себе! – выражал Дима искреннее восхищение, явно подогретое наркотиками.

Они стояли на втором этаже и смотрели из огромных окон. Вдали в пепельно-розовой дымке виднелся центр города, Петропавловская крепость и Исаакиевский. На стенах в два ряда помещалась живопись. На левой стене папины пейзажи, на правой – мамыны с масками, цветами и возбуждающими женскими фигурами.

Вася вывалил на стол пакет лимонов.

– Это если кому-то из нас станет плохо!

«Колеса» были чистой химией, и лимоны могли непонятным образом нейтрализовать их действие.

Таблетки производились в разных формах, оттенки действия также были различны. Машинки, сердечки, самые ужасающие – пентаграммы и сотни других. Каждая модификация имела свои нюансы, у каждой было множество цветов. Поразительное многообразие! Им доста-

лись серые «феррари». Он негодовал, почему не красные? В детстве он больше всего любил именно такие модели гоночных машин.

– Вначале съешь одну, потом через какое-то время вторую, – указал Дима.

Бретёр проглотил сразу обе.

– Ты что, с ума сошел?! Смотри, чтоб тебе потом не стало плохо.

– Да не будет!

5

Бретёр утопал в кресле под звуки каких-то древних песнопений, перемешанных с современными ритмами. Все свои необычные состояния и настроения он любил сопровождать музыкой.

Никаких синдромов наркотического опьянения, впрочем, не наступало. Вася с Димой разошлись по мастерской и стали рассматривать живопись в надежде ускорить очередное погружение в метафизический мир.

– Ты представляешь? Мне очень нравились темные очки Серого. Потом он нюхнул спидов и вдруг сказал: «А давай я просто сейчас тебе их подарю!» – Васино лицо искривилось в гримасе просветления.

– Здорово!

Простые человеческие радости парней с окраины мало заботили Бретёра, он хотел сосредоточиться на собственных ощущениях, и только на них.

– Ты понимаешь, это жизнь такая удивительная... Наркотики дают возможность понять то, что ты не мог понять до этого, хотя, кажется, что это самые простые вещи... – Вася стал излагать банальные, достойные обывателя откровения.

Бретёру вдруг самому очень захотелось поговорить:

– Я думаю, все мы очень многого добьемся в жизни. У меня такое чувство... Я вижу это прямо сейчас...

Он обвел рукой горизонт, подсел к Васе на кресло и по-братски обнял его. Он вообразил свое будущее, и эта картина вдруг показалась сладкой, как сироп, и безоблачной, как небо. Все пространство вокруг постепенно становилось тропически теплым и приятным. Он вспомнил, что в детстве, когда тебе дают чашку теплого молока и ты опускаешь в нее палец, ты иногда представляешь себя самого безмятежно купающимся в этом молоке.

Бретёр снял раскаленную от горячего пота майку. В зеркале он нашел свою фигуру преобразившейся, каждая мышца стала красивой и отточенной, сам себе он стал напоминать ожившую бронзовую статуэтку с антикварного письменного стола. Он играл мышцами перед зеркалом, по очереди напрягая каждый бицепс, затем грудные мышцы и пресс.

– Ты такой накачанный! – Вася выразил восхищение.

Накачанным Бретёр никогда не был, просто с недавних пор стал периодически тренироваться, отжимаясь от пола и поднимая штангу, лежа на кровати. Он начал массировать тело, получая от этого необъяснимое запредельное удовольствие. Только спустя час он прервал сеанс самообожания, чтобы спуститься вниз на разведку.

Обстановка была малоприятная. Дима расположился в туалете. Он то ли блевал, то ли просто корчился от боли. Вася в медленном темпе расхаживал по комнате, издавая невнятные звуки неизвестной породы животного. Все были голыми по пояс, так что вечеринка стала напоминать групповой поход в общественную баню. Бретёр заключил, что «колеса» несомненно стали действовать.

Спустя еще полчаса он обнаружил себя уже полностью иным. Повадки стали дерзкими и мягкими, как у половозрелого леопарда, плечи распрямились. Бретёр расхаживал по мастер-

ской и давал всем какие-то команды. Само по себе это было довольно абсурдным занятием. С таким же успехом он мог командовать палатой для душевнобольных.

– Я сверхчеловек! Я поимею этот мир!

Бретёр четко услышал голос Мерлина и испугался. Мерлин не мог быть в мастерской. Бретёр чувствовал, что его голос исходит откуда-то изнутри и он не в силах противостоять. Он продолжал рассказывать по двум этажам и раздавать всем жесткие команды и поручения.

Импровизированная инициация завершилась с рассветом. После совместного обсуждения впечатлений Дима заявил, что «колеса» были очень сильными и в них даже мог быть подмешан героин. Бретёра пугало совсем не это, но голос Мерлина, который до сих пор стоял в ушах. Он понял, что в очередной раз вляпался во что-то безумное.

6

– Вы нож с собой носите?

– Нет.

– Почему? – Мерлин нахмурил брови и стал похож на злого джинна из бутылки.

– Так это же запрещено, за это могут оштрафовать, – отвечал Бретёр неуверенно.

Было первое занятие по превращению его в сверхчеловека.

– Знаете, в чем отличие свободного мужчины от раба? Свободный мужчина может быть одет как угодно, хоть в лохмотья. Раб тоже может быть одет как угодно. Даже роскошно, если это любимый раб господина. Только рабу всегда запрещалось иметь при себе оружие.

Мерлин достал охотничий клинок и продемонстрировал его.

– К следующему занятию купите себе нож, какой – не важно, важно – чтоб он был.

Мерлин написал на листке бумаги: «Нож». Все сказанное он сам дублировал, так что Бретёру не приходилось самому ничего записывать.

– Кстати, сколько, по-вашему, в мире существует преступлений?

– Сотни, тысячи...

– Нет, всего два. Преступно попадаться и преступно признаваться. Все, больше преступлений нет... Теперь что касается морали. Представьте себе стадо. Есть овечки, которые щиплют травку, есть пастухи, есть собаки, которые их охраняют от волков. И конечно, есть волки. Кто больше всех руководствуется моралью?

– Овцы?

– Так точно! Главные качества сверхчеловека – это сила, коварство, жестокость, упорство. Об этом мы еще поговорим, а теперь смотрите. – Мерлин стал внимательно рисовать маленьких обезьянок разного размера. – Конрад Лоренц и Десмонд Моррис утверждают, что человечество недалеко ушло от обезьян. Посмотрите, как устроено обезьянье стадо. Во главе стоит доминантный самец. Не всегда самый крупный, но самый агрессивный и безбашенный. Ему все подчиняются, он имеет всех самок. Ниже стоят субдоминанты, это самые крупные, самые сильные, которые охраняют доминанта. Еще ниже стоят простые обезьяны, которые собирают фрукты. Еще ниже – старики, дети и женщины. Не находите аналогии с современным миром?

Бретёр смущенно посмотрел вниз. Аналогии он находил, но довольно приблизительные.

– Кто такие субдоминанты? Это силовые структуры, военные, охрана президента и так далее. Кто такие большинство? Те, кто собирают овощи, извлекают полезные ископаемые, работают на заводе «Красный пенис». А доминантные самцы – в правительстве или даже выше. Чем выше в этой иерархии находится человек, тем меньше у него совести, морали и, извиняюсь за выражение, человеческих ценностей...

Бретёр испытал приятную дрожь. Нарушение запретов или морали всегда вызывает приятные эмоции. Он всегда считал, что люди с разной скоростью движутся к запретному, к тому, что нельзя, потому что так веселее.

– Запомните, калечить нашу психику начали с рождения. С детства нам внушали страх и покорность. Вначале это делали родители, потом воспитательницы в детском садике, потом учителя. Кто такие учительницы в школах? Это успешные, богатые дамы, которые ездят на дорогой машине и имеют по два любовника? Нет, это, как правило, слабые и зачморенные тетки, которые чморят детей. Вообще, для любого мужчины подчиняться даже в мелочах женщине – это противоестественно, это извращение... Всем с детства внушали: будь как все, не высывайся, учили, что драться – это плохо... Потом все эти пословицы и поговорки. Не в свои сани не садись. А кто сказал, что это не мои сани? Куда хочу – туда и сажусь. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Пока будешь отмерять второй раз, другой отрежет и убежит...

7

– Наша жизнь – это фильм. Каждый из нас режиссер и главный актер этого фильма, все остальные – статисты. Мы есть то, что мы о себе думаем. Если мы считаем себя дерьмом, то, значит, мы и есть дерьмо. Если я считаю, что я сверхчеловек, значит, так и есть.

Мерлин взял листок бумаги и аккуратно написал краткий текст:

Я сильный!

Я верю в себя!

Я всегда побеждаю!

Я лучше всех!

Я всегда здоров!

Я поймею весь мир!

Я всегда прав!

Я сверхчеловек!

– Читайте!

– Я сильный, я верю в себя...

– Говно! Читайте громче.

– Я сильный, я всегда побеждаю...

– Еще громче! Я СИЛЬНЫЙ! Я ВЕРЮ В СЕБЯ! – Мерлин растянул утрированно низко. Это был вообще не человеческий голос, а звук смещения тектонических плит.

Бретёр повторил громче.

– Это будет вашим домашним заданием. Повторять по пятьдесят раз три раза в день. Наше подсознание не обладает критичностью, туда можно загнать абсолютно любую информацию с помощью многократного повтора. Если человеку десять раз повторить, что он свинья, то на десятый он начнет хрюкать.

Мерлин продолжал смотреть на него сосредоточенными немигающими глазами.

– Вам следует научиться быть агрессивным. Для начала я дам вам два упражнения. Первое: становитесь перед зеркалом. – Мерлин оскалил зубы и зашипел, как дикий камышовый кот. – Это называется кошачий оскал.

Второе упражнение еще более увлекательное и приятное. Когда вы идете по улице, то навстречу вам идут мужские и женские особи. Мужчины мысленно, подчеркиваю, мысленно подвергаются самой жесткой агрессии с вашей стороны. Два удара в голову, бросок через бедро, перерезанное горло – и проходите дальше. Женские особи мысленно подвергаются сексуальной агрессии в самой изощренной форме. По схеме господин – рабыня... Сейчас мы с вами немного погуляем и потренируемся.

Мерлин надел эффектный, чуть театральный черный плащ, и они пошли на улицу. Задача была осуществить последнее упражнение на практике. Когда они шли рядом, у Бретёра сложилось такое впечатление, что он идет при нем как слуга, подстраиваясь под его шаг. Мерлин сам делал упражнение, пристально вглядываясь в прохожих. Если мужчины, как правило, шарахались, пытались пройти побыстрее или незамеченными, то женщины смущенно бросали самые довольные и заинтересованные взгляды.

– Теперь вы попробуйте!

Бретёр приступил с энтузиазмом. На выходе из машины толстяк в розовом галстуке получает удар ногой между ног, а потом локтем в челюсть... Невысокий пожилой мужчина удостаивается бокового в голову...

– Посмотрите, он еще больше ссутулился.

Крепкая тетка в сером плаще подвергается внезапному насилию в позе «Бретёр сзади», при этом все ее серое, никчемное тряпье грубо сдвигается ей на голову... Красивая молодая школьница с не по возрасту большим задом ставится на колени и... И – о чудо! – тут она приветливо посмотрела на Бретёра... Через несколько мгновений он увидел грубую, бесформенную, некрасивую самку...

– Только годные к использованию женские особи! – с ухмылкой проговорил Мерлин, поймав его недоуменный взгляд.

8

Биография Мерлина была окутана тайной, Бретёру удалось узнать лишь кое-какие обрывочные сведения. Он родился в деревушке под Астраханью. Этот город издревле населяли татары-ордынцы, дагестанцы-кумыки и казаки. Все эти агрессивные племена жили одной большой семьей, весело и гордо, как жили их предки. Сам он представлял жгучую смесь кровей: немецкой, татарской, казачьей и еврейской.

Себе на уме он был с детства. Когда ходил в детский садик, то собирал вокруг себя таких же маленьких детей и что-то увлеченно им рассказывал, чем приводил в ужас воспитательниц. Позже, когда учился в школе, он написал в сочинении о том, что считает себя самым умным на земле, за что получил двойку и долго плакал перед своими родителями, которые хотели опустить сына на землю. Впрочем, эти два эпизода недоказуемы и наверняка являются

элементами собственной мифологизации, как и то, что у Мерлина якобы два свидетельства о рождении с разными датами и разными городами – Астраханью и Волгоградом.

Мерлин рос крепким здоровым парнем, так что к моменту начала службы в армии в восемнадцать лет в нем было добрых сто килограммов мышечного мяса. Злобный и агрессивный, он начал драться с десяти лет, вынужденно обороняясь от нападений местных хулиганов и ребят постарше. Иногда приходилось пользоваться подручными средствами, например большой металлической трубой. Он записался в секцию борьбы, стал мастером спорта и занял третье место на чемпионате СССР, – значок мастера спорта он иногда носил на пиджаке. Когда он стоял в военкомате, то услышал вопрос: «Борьба, бокс, мастера спорта есть?» – «Есть! Куда, в ЦСКА?» Наивный юноша, видимо, решил, что его определят в спортивный клуб армии. «Гораздо круче!»

«Гораздо круче» оказалось тогда, когда он проснулся наутро после многочасового перелета и увидел за окном бескрайнюю раскаленную пустыню. Мерлин попал в разведку и стал обучаться у того, кого сам потом называл Великий мудрец в звании гвардии капитана. Тот был настоящим зверем, но любил приправлять обучение великолепным армейским юмором: «Человек может все. Вперед, обезьяны!», «Курсант такой-то, то, что вы стреляете лучше всех, – это еще не повод посылать на х...й замполита!».

Во время обучения Мерлин сумел стать мудрее и смог избавиться от многих оставшихся страхов, в том числе от страха высоты. Когда он первый раз прыгал с парашютом, то вцепился в проем с криком: «Я лучше умру, чем прыгну!» На что капитан ответил: «Одно другому не мешает!» – и смачным пинком вытолкнул его вон из самолета вниз.

Другой эпизод. Мерлин едет мимо кишлака во главе танковой колонны. Чтобы ее блокировать, выпустили вперед детей и женщин – их излюбленная тактика; командир кричит по рации: «Мать твою (далее шла фамилия), только вздумай притормозить! Я тебя первым прикончу!» Мерлин не остановился, и плоть мирных жителей намотало на гусеницы советских танков. Он признался Бретёру, что не испытал никаких эмоций по этому поводу.

Мерлин прекратил службу досрочно при не до конца выясненных обстоятельствах, однако было ясно, что он совершил какое-то военное преступление. Возможно, это была излишняя жестокость по отношению к противнику. Еще есть вариант, что он выстрелил в затылок командиру, которого к нему приставили.

Короче, Мерлин оказался под военным трибуналом, где косил под психа. Скорее всего, это как раз тот самый период, когда он впервые серьезно заинтересовался психологией. Позже Мерлин принял участие еще в нескольких военных конфликтах в качестве добровольца-наемника и в качестве инструктора – это могли быть Сербия, Приднестровье и Нагорный Карабах.

У Мерлина был сын. Это был самый крупногабаритный здоровяк, которого Бретёр когда-либо видел в своей жизни. Он служил в спецназе ВДВ. С такой комплекцией его можно было смело отправить сражаться с инопланетянами.

9

Бретёр усиленно тренировался. Приходилось запирались в своей комнате, чтобы проделывать упражнения с оскалом и самокодирование, для удобства он включал громкую музыку. А то родители точно бы подумали, что их сын сошел с ума! Еще он делал упражнения с осанкой, продолжая отжиматься и тренироваться со штангой. Он старался быть безупречным, как средневековый самурай.

Наступил день следующего занятия. Напротив него сидел Мерлин и поигрывал четками. Четки состояли из бусин и смятых пулек от «макарова».

– Один мой знакомый носил четки из зубов! – прокомментировал Мерлин. – Расскажите про выполнение домашнего задания, какие ощущения?

– Все супер!

– Отлично! Значит, вас уже начинает переть. Сегодня мы займемся вашей ролью... Понимаете, в психологии нет мелочей. Что такое перепрыгнуть пропасть на девяносто девять процентов? Это значит с криком свалиться вниз. Нож у вас с собой?

Бретёр продемонстрировал выкидной недорогой нож маньяка. Мама подарила его, когда он еще учился в школе.

– Для начала неплохо. Так вот. Что такое роль? Ко мне пришел один мужчина и попросил вернуть жену. Передо мной сидел сгорбленный длинноволосый очкарик в джинсах и розовой рубашечке. «А как она тебя столько лет терпела?» Я обычно с мужчинами общаюсь довольно жестко. «Если ты готов мне смело доверять, как Богу, тогда мы ее вернем. Не готов – до свидания!» Он сказал, что готов. «Сколько у тебя сейчас денег? Вперед, в ближайший магазин. Купи черные джинсы, черную рубашку, ботинки на жесткой подошве. Зайди в парикмахерскую и сделай сантиметр на голове. После этого приходи». Когда он пришел, мы с ним час отработывали походку легионера по оккупированной территории и еще кое-какие приемы. Через неделю он назначил встречу своей жене. Он сидел в кафе с наглой ухмылкой, изредка цинично разглядывал других женщин... Результат: живут вместе до сих пор. Что изменилось в нем?

– Стал играть другую роль?

– Совершенно верно. Вместо кролика из мультфильма «Винни-Пух» он стал играть роль Небритого мачо. Если вы играете не свою роль, можно определить это сразу. Если самые желанные особи противоположного пола смотрят на вас как на пустое место или на говно, то, значит, вы играете не свою роль.

Бретёр вспомнил, что он неудачник и женщин у него нет совсем, не только желанных, но вообще каких-либо.

– Моя роль – Мудрец-экстремист. Черный костюм, гладко начищенные туфли, стрелочка на брюках, об которую можно порезаться... А кто вы? Ваша роль явно вам не соответствует.

Мерлин неодобрительно посмотрел на его серый свитер и коричневые вельветовые штаны.

– Начнем с цвета. Каждый цвет одежды неслучаен. Красный – попытка привлечь к себе внимание, сексуальная агрессивность. Синий – цвет мечтателей, инфантильный. Фиолетовый – низкая продуктивность интеллекта. Желтый... что у нас желтое? Солнце. Цвет позитива. Зеленый – не путать с армейским милитари – стремление к успеху. Черный – самый жесткий цвет, авторитарность, неприятие чужого мнения. Белый, наоборот, говорит о готовности подстраиваться под других людей. Серый – это эмоциональная пассивность. Коричневый цвет – цвет дерьма, стремления к комфорту. Для мужчины предпочтительно черный цвет, на переговоры иногда можно надевать белую рубашку. К следующему занятию – переодеться!

Бретёр решил не спорить и заткнуться, а заодно прикинуть, где можно взять новую одежду.

– Смотрите. Изначально общество было кастовым. Были брахманы – шаманы, священники, духовные лица. Кшатрии – воины, армия. Вайшья – купцы, ремесленники, торговцы. И шудра – сброд и человеческий мусор. Первоначально все было на своих местах. Потом кшатрии устроили революцию и сместили брахманов. Духовные лица стали подчиняться воинам. Потом во главе стали вайшья – Рокфеллеры, Морганы и прочие олигархи. XX век – век деградации, XXI – будет веком тотальной деградации, где у власти могут оказаться шудры... Пока у власти в России остаются вайшьи, брахманы-попы благословляют им лимузины, а кшатрии работают у них в охране... Это я к чему? Для каждой касты свойственен определенный стиль одежды. Большинство наших сограждан одеваются как шудра. В первую очередь это одежда, которая не требует за собой ухода. Кроссовки и синяя мешковина. Одежда высших каст требует, чтобы за ней следили. Вам подойдет черный костюм и черная футболка, на пиджак можно

нацепить какой-нибудь армейский значок. Обязательно черные начищенные туфли. Можно черную куртку и свитер.

Тут Бретёр понял, что именно так ему и хотелось одеваться всю сознательную жизнь, но по каким-то необъяснимым причинам он этого не делал. У него были черные брюки, но он не хотел их надевать, потому что боялся испачкаться в уличной грязи.

10

– Ваша роль – это агрессивный мачо! Со стороны вы должны производить впечатление экстремиста. Для этого хорошо чередовать подчеркнуто интеллигентную речь с армейским сленгом. И иногда невпопад вставлять такие выражения, как «Отставить!», «Десант к высадке!», «Так точно!». Вас должны бояться.

Бретёра никогда особенно не боялись, но и никогда не притесняли и не издевались над ним. Его просто не замечали, и он всегда был где-то в стороне, на обочине. Такое унылое, серое пятно.

– Теперь скажите мне: кого больше всех боятся?

– Преступников...

– Нет, больше всего люди боятся психов. Не самых сильных, не культуристов или спортсменов, а именно психов. Мой тренер по ножевому бою любил говорить, что он скорее бы испугался истеричку с шилом, чем титулованного спортсмена. Однажды я беседовал со своим старым знакомым из МВД и спросил его: «Кого сложнее брать? Спецназовцев, каратистов, граждан с большим лагерным опытом?» На что он мне ответил: «Нет. С этим как раз не так уж сложно. Сложнее брать наркомана после дозы. Вот этого, не покалечив, не взять». Что делал Дон Хуан? Пичкал Кастанеду плодами особого кактуса, в котором как раз содержались наркотические вещества, разгоняющие психическую активность. ЛСД, морфин, кокаин, мескалин разгоняют психическую активность, тогда как алкоголь, напротив, ее тормозит. Только если все время разгонять себе психику, можно довольно быстро угодить в психушку. Мы будем разгонять психику естественным путем, и сейчас мы проведем небольшой метафорический тренинг.

11

Мерлин попросил Бретёра закрыть глаза и заговорил своим привычным низким, гипнотическим голосом. «Представьте, что вы уснули... Вы спите и видите сон и во сне...» Он с головой ушел в совершенно иную реальность, древнюю и шаманскую. Такое впечатление, что он спустился в мир духов, в их подземную страну. «Вы чувствуете, что этот агрессивный зверь – это и есть вы...» Все тело пульсировало, будто по жилам с произвольной скоростью разливались потоки горячей вулканической лавы. Погружение длилось очень долго. Было ощущение, что его, как воздушный шар, надувают горячим воздухом.

– Откройте глаза! На выходе проведите руками по лицу и потрите виски.

– Супер! – сказал Бретёр, покинув свое подсознание.

– Вернемся к теме психической активности. Есть такая техника, которая называется «эковский кураж». Человек впадает в полубезумное состояние, брызжет слюной, сыплет невнятные отрывочные угрозы. Судя по внешним симптомам, он находится в полуманиакальной фазе психоза. В этом случае болевая чувствительность очень низка и остановить его практически невозможно. Только пулей в голову, и то не сразу. Итак, самое главное оружие бойца – умение разгонять свою психику... Как это делать? Да очень просто. Вспомните состояние, когда вы были максимально взвинчены, взведены, как стальная пружина, будто вас охватило

бешенство... Не обращайте внимания на эмоции, просто почувствуйте, как разгоняется ваша психика. Почувствовали?

Бретёр молча перебирал обрывки самых неприятных воспоминаний, но не мог сосредоточиться ни на чем конкретном. Потом вдруг вспомнил случай из детства. Летом он жил в деревне, и, когда ему было лет пять, он все время дрался. Мальчишки постарше организовывали настоящие бои, провоцировали мелких друг против друга. И он все время проигрывал. Крепкие деревенские мальчишки превосходили его и к тому же были старше. Но однажды, когда он дрался в очередной раз, вдруг первым ударил соперника ногой в живот, так что тот упал на землю и заплакал. Это случилось первый раз, и это было настоящим триумфом. Вспоминая это, Бретёр всякий раз чувствовал приятную возбуждающую дрожь.

– Да, почувствовал!

– Отлично! Теперь научимся тормозить психику. Представьте себе состояние, когда вы смертельно устали. Когда вы стремились только доползти до кровати, закрыть глаза и отключиться. Представили?

– Да.

– Стоп! – Мерлин щелкнул пальцем. – Это надо научиться делать по собственному желанию. Есть много техник. Например, для разгонки можно в нарастающем ритме стучать руками по столу. Можно представить, что вы – это разгорающееся пламя. Для торможения представляете покрытое льдом озеро, как его медленно заносит снегом... Еще один важный момент. Во время эффективного физического конфликта часто возникает такое ощущение, что все двигаются как бы в замедленном темпе, а один вы с нормальной скоростью. Поймите это состояние...

Второе занятие медленно подходило к концу.

– Ваше домашнее задание – освоить новую роль. Встречаемся через неделю, в следующий раз у нас будет практика. Приходите в куртке с капюшоном. Помните, все это нужно применять в крайнем случае, только если есть угроза жизни. Если что, нужно сваливать и не ввязываться.

12

Перебирая вещи в папином шкафу, он подумал, что было бы круто найти в нем костюм Бэтмена, и расхохотался. Бретёру была остро необходима другая одежда, чтобы явить миру свой новый образ супермена. Он сумел обнаружить отличную кожаную куртку из Италии, с наплечниками, которые увеличивали фигуру. Папа куртку не носил, она была старой и потертой, и Бретёр экспроприировал ее для своих нужд.

Он расхаживал перед зеркалами и ловил кайф. К куртке добавились черные джинсы и черные туфли, их отыскать было довольно просто. В боковом кармане блестел кончик ножа.

Прическа также видоизменилась. На смену взъерошенной гриве молодого поэта-неудачника пришла стрижка под названием «сантиметр на голове» с добавлением небольшой челки, немного короче, чем у гопника. Он добавил полувоенную походку, чуть выпятил вперед грудь и широко расправил плечи, чтобы занять побольше пространства. Внешне он изменился до неузнаваемости всего за один день. Это была удивительная метаморфоза!

С удовольствием Бретёр отметил, что стал похож на молодого уличного вора. Преступная дерзость, идущая бок о бок с царственными манерами, способна вскружить голову кому угодно, заключил он.

Его уличные друзья перемен не заметили вовсе, лишь Серый высмеял торчащий кончик ножа и походку со словами: «Ты что хромаешь?» Серый ему не нравился. Как-то раз, когда Бретёр напился у Васи и задремал, он услышал, как Серый предлагает обчистить его карманы.

С Васей и Моцартом все было в полном порядке, зато Дима попал в очередную неприятную заварушку и едва остался жив. Началось все с того, что он задолжал денег вышестоя-

ящему боссу в уличном наркокартеле. Тот долго терпел, а потом поставил Диму на счетчик и отсчитывал новую сумму за каждый день. Дима решил слиться и перебрался на время в другой район. Это оказалось не лучшей затеей. Когда он шел от бабушки, пил кока-колу и что-то напевал, двое бравых парней засунули его в машину и приставили к горлу автомат Калашникова. Стрелять никто не собирался, но всегда ведь может получиться как в «Криминальном чтиве», и тогда потребуется полдня, чтобы отдраивать машину от мозгов. Сейчас Дима распродает магнитулу и прочий хлам. Машина, в которую затолкали Диму, имела номера Госнаркоконтроля.

Дима не хуже Моцарта умел попадать в переплет. Был случай, когда он забил до смерти и утопил в болоте бросившегося на него говнюка. Тогда он в три часа ночи явился к Бретёру в грязи и в крови, чтобы одолжить немного денег.

Вся компания, кроме него, собралась на детской площадке, чтобы как следует выпить и отметить день рождения Адольфа Гитлера. Вася встал на карусель и начал говорить тост:

– Давайте выпьем за человека, без которого не было бы всех нас! Ура!

Все глухо чокнулись пластмассовыми стаканчиками с теплой водкой, несмотря на то что слова были преувеличением. Бретёр не любил Гитлера и считал его истеричным параноиком. Но он понимал, что парням с заводских окраин нужны свои величественные и страшные герои, вызывающие у цивилизованного общества дрожь.

13

Его друзья были скорее правым хулиганьем, чем настоящими скинхедами. Последние представляли собой не политическое движение, но заимствованную западную субкультуру. Агрессивная молодежь, ненавидящая конформистов-яппи, бастардов-панков и бесполой елейно-сладких хиппи, вывалилась на улицу, чтобы показать себя и задать трепку сытым отличникам с наглаженными воротничками.

Самые первые скинхеды были просто brutальными денди в обтягивающих задницу светлых джинсах. Эта аполитичная фраерская гопота слушала ска и соул. Идеи национализма и расовой нетерпимости появились позднее.

НС-скинхеды обособились от остальных после проповеди легендарного музыканта Яна Стюарта и Британского национального фронта. Тогда появился знаменитый кельтский крест и сипаки с британских окраин перевоплотились в крестоносцев священной расовой войны против евреев, негров, цыган и иных представителей неарийской расы. Война велась также с геями, наркоманами и коммунистической молодежью.

К концу восьмидесятых движение скинхедов появилось в Прибалтике, некоторые его представители были потомками воевавших против нас европейских нациков. В Россию движение пришло после распада Советского Союза и обогатилось многими нюансами местной специфики. Простудировав биографию Гитлера, попавшего под обаяние германо-скандинавской мифологии, некоторые русские пацаны вдруг увлеклись славянским язычеством, родноверием и прочей сомнительной экзотикой.

Скины на самом деле так и оставались в глубине души политическими пофигистами, и рекрутировать их даже на короткий период в свои партийные ячейки мало у кого получалось. Лучшее всего это удалось генералу Баркашову и Русскому национальному единству. Подтянутый, крепкий генерал, экс-телохранитель лидера антисемитского общества «Память», создал несколько полуспортивных-полувоенных лагерей подготовки молодых боевиков. Ребятам было чем заняться. Они тренировались в спортзалах, маршировали, выбивали долги у коммерсантов и ходили в церковь на Пасху (знали ли они, что слово «пасха» происходит от еврейского «песах»?).

Религией РНЕ было все же православие, а не язычество. В свое время РНЕ прославились тем, что в 1993 году выставило сто бойцов для обороны Дома Советов. По телевизору в то время часто показывали их рукопашные тренировки и построения в импровизированной военной форме, напоминающей нацистскую, – на обывателей это действовало как электрошок. Но вскоре, когда в Москве отказали в проведении съезда, РНЕ постепенно рассосалось. Баркашов был еще к тому же запойный алкоголик, а для лидера партии это плохо приемлемо.

Современные незарегистрированные националистические партии (а их, понятное дело, не разрешают никогда), такие как ДПНИ и «Славянский союз», в попытках призвать в свои ряды скинхедов выглядели смехотворно. Скинхеды не признавали их лидеров и считали за говно, они признавали только улицу. Те могли набрать разве что детей в марлевых, чтобы не палить щи, повязках.

В Питере Бретёр стал замечать скинхедов в начале нулевых, они частенько носили куртки цвета хаки Lionsdale и Fred Perry, под ней кофта с капюшоном. В одежде обязательно присутствовал элемент белого цвета. Вася учил Бретёра вычислять правых и по некоторым другим элементам, в частности по мелкой бело-коричневой клетке Burberry. Эти с иголочки одетые господа могли устроить побоища на рынках с опрокинутыми арбузами, но их проделки, как правило, укладывались в административный кодекс и не дотягивали до уголовного. Идиоту ясно, что даже локально проводить в жизнь НС-идеологию невозможно, все сводится в попойкам после футбола и пустопорожней болтовне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.